

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат * Избранное

Документальная серия. Выпуск 5

Хроника текущих событий

Выпуск 26

Сеятель

№ 1

Сеятель

№ 2

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат * Избранное

Документальная серия. Выпуск 5

Хроника текущих событий

Выпуск 26

Сеятель

№ 1

Сеятель

№ 2

ПОСЕВ 1972

**Документальная серия
выходит 6 раз в год**

**© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1972
Frankfurt/Main
Printed in Germany**

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА текущих событий

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Всеобщая декларация прав человека,
статья 19.

5 июля 1972 г.
ВЫПУСК № 26
Год издания пятый

СОДЕРЖАНИЕ

- *Арест Петра Якира (5)*
- *Политические процессы (8)*
- *Обыски, допросы, аресты (11)*
- *Предварительное следствие (13)*
- *Политзаключенные психиатрических больниц (14)*
- *Высылка корреспондента (17)*
- *«Книксон» (18)*
- *День Шевченко на Украине (22)*
- *Пресс-конференция Я. Добоша (23)*
- *Новые функции органов (25)*
- *События в Литве (28)*
- *По материалам газетных статей (32)*
- *Внесудебные преследования (33)*
- *Краткие сообщения (37)*
- *Письма и документы (42)*
- *Новости Самиздата (45)*
- *«Памятная записка» А. Д. Сахарова (47)*
- *Поправки к предыдущим выпускам (54)*

АРЕСТ ПЕТРА ЯКИРА

21 июня в Москве был арестован Петр Ионович Якир.

П. И. Якир (1923 года рождения) — сын расстрелянного Сталиным героя гражданской войны командарма Ионы Эмануиловича Якира; 17 лет (с 1937 по 1954 год) он отсидел в сталинских тюрьмах и лагерях. П. И. Якир — член Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

21 июня днем, когда П. И. Якир во время обеденного перерыва вышел на улицу, его усадили в машину и увезли. Примерно через час на работу к Валентине Ивановне Савенковой, жене П. И. Якира, приехала та же бригада сотрудников КГБ, которая производила обыск на квартире у П. И. Якира 14 января («Хроника» № 24), и 6 мая с. г. («Хроника» № 25)¹. Бригада отвезла В. И. Савенкову домой и провела третий в этом году обыск. В ордере на обыск была указана статья 70 УК РСФСР. Обыск продолжался 4 часа. Присутствовала на обыске только В. И. Савенкова. Несколько граждан, пожелавших присутствовать при обыске (в частности, зять П. И. Якира Ю. К и м² и академик А. Д. Сахаров), не были допущены в квартиру. В тот же день были проведены обыски и на рабочих местах П. И. Якира и его жены. Никто из семьи Якира не видел протоколы этих обысков. «Хронике» они тоже не известны.

¹ «Хронику» № 24 и № 25 см. в «Вольном слове», выпуск 3 документальной серии. — Р е д.

² Юлий Ким женат на Ирине, дочери Петра Якира. — Р е д.

21 июня вечером следователь КГБ при СМ СССР майор Геннадий Васильевич *Кислых* звонил В. И. Савенковой и сообщил ей, что П. И. Якир арестован, ему предъявлено обвинение по статье 70 УК РСФСР. Находится он в Лефортовской следственной тюрьме КГБ при СМ СССР. Между прочим, уже днем иностранным корреспондентам³ в Москве официально сообщили, что П. И. Якир арестован «за антиконституционную деятельность» и ему предъявлено обвинение по статье 70 и статье 210 (вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность) УК РСФСР.

В. И. Савенкова обратилась к Генеральному прокурору СССР с просьбой изменить П. И. Якиру меру пресечения, например — на подписку о невыезде. 1 июля с аналогичным призывом обратилась к Генеральному прокурору СССР Инициативная группа по защите прав человека в СССР. В письме Инициативной группы, в частности, говорится:

«...Общественная деятельность Петра Якира целиком исходит из идеи десталинизации нашего общества. Антисталинизм Якира органически связан с его биографией, профессиональным знанием нашей истории, непримиримым отношением к общественному злу. Деятельность Якира отражает его убеждения и абсолютно бескорыстна.

...Единственным стремлением Якира было способствовать демократизации нашего общества...».

Ответ на эти письма еще не получен.

³ Ср. сообщение московских корреспондентов агентств Рейтер и АП в лондонской «Таймс» 22 июня 1972 года. — Р е д.

В письме, подписанном «Группа советских граждан» и датированном «июнь 1972 г.», в частности, говорится:

«Брошен в тюрьму Петр Якир.

Власти решили вписать новую мрачную страницу в трагическую судьбу одного из самых замечательных наших современников, человека редкостного гражданского таланта, великой силы духа, неукротимой энергии, ни перед чем не отступающего мужества.

Это еще один — и быть может кульминационный — этап в тактике таких, ползучих, но систематических репрессий, которую вот уже несколько лет проводит режим, пытаясь удушить демократическое движение.

Можно и нужно протестовать против этой акции. Важнее, однако, понять суть новой ситуации и серьезно, сосредоточенно и без истерии (будь то истерия бросания на штыки или истерия капитуляции) приспособить жизнь и борьбу каждого демократа, а значит и всего движения, к нынешней действительности.

Арест Якира, человека, сознательно оказавшегося на острие борьбы, не означает, что «всё потеряно», что политика властей принесла им победу.

...Арест Якира — не начало и не конец. Это важная веха.

...Сохранить людей и сохранить Самиздат, сохранить и укрепить движение за демократизацию — вот главная цель сегодня, вот лучший ответ на арест Якира...».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Суд над Ю. Мельником. 15, 16, 19 июня в Ленинградском городском суде слушалось дело Юрия Мельника («Хроника» № 24), обвиненного по статье 70 и статье 196 (подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков) УК РСФСР. Председательствовал Карлов. Защитник — Хейфец.

В зале суда было человек 20 специально приглашенных людей; распорядители суда почему-то называли этих людей «студентами». Подчас эти «студенты» играли роль охранников у дверей зала суда. Против обыкновения вход в зал суда, за исключением того момента, когда допрашивались 3 свидетеля (К. Любарский — см. «Хронику» № 24; В. Смирнов и заместитель директора радиотехникума, фамилия которого «Хронике» неизвестна), был свободным.

Ю. Мельник — 1945 года рождения, образование среднее. В обвинительном заключении ему инкриминировалось: во-первых, устное распространение своих взглядов об отсутствии демократических свобод в нашей стране, о вводе советских войск в Чехословакию в 1968 году, о положении евреев и крымских татар и о «создании Комитета прав человека в Москве, который ставить целью распространение подпольной антисоветской литературы и издание подпольной антисоветской газеты»; во-вторых, распространение книги Авторханова «Технология власти», книги «Всё течет»⁴, «приписываемой В. Гроссману», выпуска журнала «Общественные проблемы» № 10 (см. «Хронику» № 20), статей «На-

⁴ Вас. Гроссман, «Все течет...», издательство «Посев», 1970.

следники Сталина» (анализ творчества В. Кочетова и И. Шевцова), «Тотальный преступник» (о Л. М. Кагановиче), и трех документов о крымских татарах; в-третьих, подделка подписи на бланке и получение по этому бланку радиотелетайпа.

Подсудимый признал себя виновным по статье 196, что касается статьи 70, он, признавая все инкриминируемые ему факты распространения, отрицал умысел на «подрыв или ослабление советской власти» и поэтому виновным себя по этой статье не признал. Кроме того, он отказался от части своих показаний, данных на предварительном следствии, сказав, что оговорил своих товарищей (в частности, Любарского).

Эти товарищи, выступая в качестве свидетелей, подтвердили все перечисленные факты распространения, кроме распространения «Общественных проблем».

Прокурор потребовал для Ю. Мельника 4 года заключения. Адвокат просил переквалифицировать обвинение на статью 190¹.

Суд признал Ю. Мельника виновным по статьям 70 и 196 и приговорил его к 3 годам заключения в лагере строгого режима.

Ленинград. В марте 1971 года в Ленинграде были арестованы 7 человек: Вячеслав Д з и б а л о в (старший инженер Института механической обработки)⁵, Сергей С е р г е е в, Андрей К о з л о в, Мария Семе-

⁵ Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт механической обработки полезных ископаемых «Механобр». — Р е д.

новна М у с и е н к о, братья Иван и Сергей П у р т о -
вы; фамилия седьмого неизвестна. Всем семерым
было предъявлено обвинение по статье 70 УК
РСФСР. Конкретное содержание обвинения «Хро-
нике» неизвестно. Известно только, что обвиняемые
исповедовали следующий «символ веры»: наше об-
щество — больное, надо его оздоровить, возродить
настоящую ленинскую политику и построить ком-
мунизм.

В январе 1972 года состоялся суд. Подробности
«Хронике» неизвестны. Известно только, что чет-
веро обвиняемых, признанных психиатрической
экспертизой невменяемыми, направлены на прину-
дительное лечение в специальную психиатрическую
больницу, остальные трое получили разные сроки.

Летом 1971 года в Ленинграде был арестован жур-
налист Евдокимов (1923 года рождения). Ему
было предъявлено обвинение по статье 70 УК
РСФСР. В обвинительном заключении ему вменя-
лось, в частности, в вину, что он печатался в жур-
нале «Посев». Психиатрическая экспертиза в Ин-
ституте судебной психиатрии имени Сербского при-
знала его невменяемым. Недавно в Ленинграде сос-
тоялся суд над Евдокимовым и его женой⁶. Евдоки-
мов, как невменяемый, в зале суда не присутство-
вал.

В судебном заседании жена Евдокимова давала
показания против своего мужа. По определению
суда Евдокимов направлен в Ленинградскую спе-
циальную психбольницу. Его жена приговорена к

⁶ См. «Посев» № 10, 1972. — Р е д.

3 годам условно, с пятилетним сроком. Евдокимова — мать двоих детей.

Евдокимов в Ленинградской спецбольнице, протестуя против жестоких условий содержания, объявил голодовку.

Киев. 5 июня состоялся суд над Владимиром Ракитянским, обвиненным по статье 62 УК СССР (соответствует статье 70 УК РСФСР). Приговор — 5 лет. Подробности «Хронике» неизвестны.

ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ, АРЕСТЫ

Одесса. Григорий Берман (26 лет) в начале мая подал в ОВиР документы на выезд в Израиль. Через неделю его вызвали в КГБ и потребовали от него сведений о некоторых его знакомых, угрожая в противном случае не дать разрешения на выезд. Берман отказался. Через 3 дня он получил повестку в военкомат. Сославшись на свое освобождение от воинской повинности по состоянию здоровья, Берман уехал в Киев. 25 мая в приемной ОВиРа он был арестован и препровожден в одесскую тюрьму. Ему предъявлено обвинение по статье соответствующей статье 198¹ УК РСФСР (уклонение военнообязанного от учебных или поверочных сборов и воинского учета).

21 мая по аналогичной причине был арестован Юрий Нох (22 года). Ему предъявлено то же обвинение.

Москва. 5 июня был арестован Г. Шапиро, 9 июня — М. Нашпиц. Обоим предъявлено обвинение по статье 198¹ УК РСФСР.

На обыске 6 мая у машинистки В. М. Макагинской («Хроника» № 25) была изъята машинка с русским шрифтом, а машинка с латинским шрифтом была оставлена.

В июне к Макагинской явились с ордером на выемку сотрудники КГБ и изъяли вторую машинку.

«Хронике» стало известно, что обыск у Лахова был произведен не 6 мая по делу № 374, как сообщала «Хроника» № 25, а 20 апреля (в один день с обыском у П. П. Старчика и, по-видимому, в связи с этим обыском) по делу № 24. Василий Иванович Лахов (приблизительно 40 лет) живет под Москвой в поселке Яковенко (ст. Столбовая Курской ж. д.). Он — член КПСС, аспирант МИХМ⁷. В дальнейшем Лахова несколько раз вызывали на допросы. Допрашивал его (уже по делу П. П. Старчика) следователь С. Н. Горшков.

20 апреля по делу № 24 был проведен обыск также у Василия Ивановича Баева (около 40 лет), проживающего в г. Подольске. На обыске ничего найдено не было. Баев работает социологом ВНИИЭТО⁸.

Весной 1972 г. у кандидата педагогических наук Г. П. Щедровицкого был проведен обыск по делу № 24 (см. «Хронику» № 24).

⁷ Московский институт химического машиностроения. — Р е д.

⁸ Всесоюзный научно-исследовательский институт электрохимического оборудования. — Р е д.

Ленинград. 15 апреля у кандидата филологических наук Михаила Мейлаха состоялся обыск по делу жены Евдокимова (см. настоящий выпуск).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

В мае Леонид Плющ («Хроника» № 24) направлен на психиатрическую экспертизу в Москву. Ряд фактов заставляет предположить, что диагноз экспертной комиссии определен заранее. Один такой факт был приведен в заявлении Инициативной группы по защите прав человека в СССР в связи с арестом Плюща («Хроника» № 24). Вот еще один факт: уже в феврале сотрудник КГБ Сур заявил свидетелю Ф. А. Диденко, что в КГБ есть письмо матери Плюща, в котором она пишет о «странностях» сына; однако, на самом деле никакого подобного письма не было!

4 июня жена Плюща, Т. И. Житникова, послала Прокурору УССР заявление, в котором она сообщила о фактах тенденциозного, обвинительного подхода следствия к делу ее мужа.

Василий Стус («Хроника» № 24) с 6 мая по 23 мая находился на экспертизе в Киевской психиатрической больнице имени Павлова. Диагноз экспертной комиссии: в характере имеются психопатические черты, вменяем. Дело Стуса ведет следователь В. И. Лубенец. Сначала обвинение было предъявлено по статье 187¹ УК УССР (соответствует статье 190¹ УК РСФСР), затем оно было переквалифицировано на статью 62 УК УССР (соответствует статье 70 УК РСФСР).

В марте в Киевской психиатрической больнице имени Павлова находился участник угона самолета из Крыма в Турцию Г и л я е в. Экспертиза признала Гиляева вменяемым. Дело Гиляева ведет украинский КГБ. Ему, по-видимому, предъявлено обвинение в измене Родине и в краже государственного имущества.

Юрию Ш у х е в и ч у («Хроника» № 4, 25) предъявлено обвинение по статье 70 часть 2 УК РСФСР. Следствие ведет Кабардино-Балкарский КГБ. Следователь — майор *Кашежев*. После трех месяцев следствия Шухевич был переведен в Киев, но вскоре его отправили обратно в Нальчик, так как судя по всему не было найдено никаких доказательств связи Шухевича с украинскими делами. Жена Шухевича, Валентина Т р о ц е н к о, живет по адресу: Нальчик, Советская ул. 83, кв. 13. У них двое детей: Роман (1970 г. р.) и Ира (1972).

Экспертиза Института судебной психиатрии имени Сербского признала В. С е в р у к а («Хроника» № 24, 25) невменяемым.

ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦ

◇ Владимир Ильич Т р и ф о н о в родился в 1938 году в Калининской области. В 1966 году Трифонов учился на физическом факультете Калининского педагогического института. Он часто спорил с преподавателями кафедры политэкономии. В результате ему устроили психиатрическую экспертизу. Экспертиза проходила 5 минут. Проводил ее веду-

щий психиатр Калининского медицинского института Виктор Михайлович Шпак. На основании диагноза Шпака Трифонова исключили из института. В марте 1968 года за «антисоветские высказывания» он был арестован. Через полгода он был отправлен в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу, где находится и в настоящее время. Адрес его матери: Калининская обл., Осташковский р-н, Ширковское -п/о, дер. Орлинка, Трифоновой Вере Ильиничне.

◆ Анатолий Дмитриевич Пономарев родился в 1933 году в Ленинграде, работал инженером в ленинградском филиале ВНИИ Медицинского приборостроения. В октябре 1970 года он был взят под стражу и против него было возбуждено уголовное дело по статье 190¹ УК РСФСР за распространение собственных сатирических стихов, за перепечатывание письма Солженицына съезду писателей. Психиатрическая экспертиза, проходившая во 2-ой психиатрической больнице на Пряжке, признала его невменяемым. 29 января 1971 года Ленинградский городской суд направил его на принудительное лечение в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу. С 11 марта 1971 года он находится в этой больнице. Адрес его семьи: Ленинград, Лесной просп. 34/36, кв. 125.

◆ Анатолий Федорович Чиннов родился в 1938 году. В 1967 году он окончил химический факультет Ленинградского университета. В декабре 1968 года он был арестован за попытку перехода границы. В начале 1969 года психиатрическая экспертиза в г. Львове признала его вменяемым. В конце 1969 года он был подвергнут вторичной экспертизе

в Институте судебной психиатрии имени Сербского. Диагноз — шизофрения. В настоящее время он находится в Ленинградской специальной психиатрической больнице. Адрес брата: Москва, Д-4, пер. Маяковского 2, кв. 27, Чиннову Валерию Федоровичу. Адрес сестры: Ленинград, В-43, 15-ая линия 68, кв. 9, Чинновой Раисе Федоровне.

◆ В апреле 1967 года Юрий Сергеевич Белов получил по части 2 статьи 70 УК РСФСР 5 лет лагерей особого режима⁹. Он отбывал их сначала на 10 л/п в Мордовии, затем — во Владимирской тюрьме. Осенью 1971 года против него было возбуждено новое (третье!) дело — снова по статье 70 (за «внутритюремную агитацию»). С декабря 1971 года по февраль 1972 года он находился на экспертизе в Институте судебной психиатрии имени Сербского и был признан невменяемым. В мае 1972 года его этапировали из Владимирской тюрьмы в специальную психиатрическую больницу в г. Сычевка Смоленской области.

◆ В 1971 году в Москве судили Владимира Шлешнева. Обвинение ему было предъявлено по статьям 64 (измена родине) и 15 (ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление) УК РСФСР. «Покушение» на «измену родине», состояло в «попытке нелегального перехода границы». Суд направил его на принудительное лечение в Казанскую специальную психиатрическую больницу.

◆ В начале июня Ленинградский городской суд заменил Евгению Викторовичу Шашенкову

⁹ За его книгу «Репортаж из мрака» и «за попытку передачи ее за границу» (см. «Хронику» № 9). — Р е д.

(«Хроника» № 5, 18) и Владимиру Васильевичу Попову («Хроника» № 18) принудительное лечение в специальной психиатрической больнице принудительным лечением в больнице общего типа.

◇ В «Хронике» № 25 сообщалось, что экспертиза Института имени Сербского признала В. Файнберга вменяемым. Однако позже в Ленинградскую спецпсихобольницу, в которой Файнберг ожидает суда, пришло новое решение: «В. Файнберг нуждается в принудительном лечении в больнице общего типа в течение 4-5 месяцев».

◇ 29 июня состоялась очередная комиссия у Петра Григорьевича Григоренко. Комиссия постановила продлить срок принудительного лечения.

ВЫСЫЛКА КОРРЕСПОНДЕНТА

5 мая московскому корреспонденту лондонской газеты «Таймс» Дэвиду Бонавия было предложено покинуть СССР. В тот же день английское правительство выразило протест. За последние два года Д. Бонавия — двадцатый иностранный корреспондент, высылаемый из СССР. 6 мая лондонская «Таймс», протестуя против высылки своего корреспондента из Москвы, слово в слово перепечатала свой протест против высылки корреспондента «Таймс» из Берлина в конце тридцатых годов, заменив только название столицы и имя корреспондента. 13 мая «Таймс» указала, что за всю ее историю, кроме упомянутых двух случаев, был еще только один случай высылки ее корреспондента: в 1903 году Николай II выслал из России корреспон-

дента «Таймс» за статьи о еврейских погромах и о революционном движении. Высылке Д. Бонавия предшествовала соответствующая кампания в «Литературной газете». В частности, там было напечатано письмо пенсионера из Витебской области, требующего высылки Бонавия. В связи с этим письмом один из читателей «Таймс» выражает свое удивление, что такое дефицитное в СССР издание, как «Таймс», читают пенсионеры города Витебска. Этот читатель пишет также, что, когда он был в СССР, он нигде не видел «Таймс», но в следующий раз он обязательно заедет в Витебск и приобретет там эту редкую в СССР газету. Другой читатель «Таймс» пишет: «Позвольте поздравить вашего корреспондента с высокой честью — высылкой из Советского Союза. Этой чести удостоиваются только самые талантливые и объективные корреспонденты». Стокгольмская газета «Свенска дагбладет» пишет, что высылка Бонавия служит ему лучшей рекламой: ясно, что он — хороший журналист и хорошо разбирается в советских делах.

«КНИКСОН»

Визит президента США Р. Никсона в СССР (22-30 мая) сопровождался своеобразными действиями властей.

Начиная с 11 мая, в районные отделения милиции г. Москвы были вызваны член Инициативной группы по защите прав человека в СССР Т. С. Ходорович, эксперт Комитета прав человека А. С. Вольпин и 15 активных участников Движения за право выезда евреев в Израиль. От них потребовали обещания, что во время визита Никсона в

СССР они не будут совершать «антиобщественных акций». Все вызванные заявили, что они не собирались и не собираются совершать незаконные действия.

На время визита Никсона срочно были посланы в командировки из Москвы член Инициативной группы Г. С. Подъяпольский, А. С. Вольпин и Ю. А. Шиханович.

С 19 мая началось отключение телефонов на квартирах. В Москве телефоны были отключены у члена Инициативной группы П. И. Якира, у членов Комитета прав Человека академика А. Д. Сахарова и В. Н. Чалидзе, у Р. А. Медведева и у 13 участников Движения за выезд евреев. У девяти из этих тринадцати телефоны не включены до сих пор! На вопрос В. Чалидзе в бюро ремонта ответили: «Сложное повреждение кабеля. Будет починено 29 мая». В те же дни было отключено несколько телефонов в Киеве. Был отключен, по крайней мере до июня, телефон профессора Г. Браувера (Рига).

В Москве и Ленинграде в домах, выходящих на улицы, по которым должен был проследовать Никсон, гражданам в соответствующие дни было запрещено подходить к окнам. В Киеве 27 мая милиция предложила Т. И. Житниковой, жене Леонида Плюща («Хроника» № 24) дать расписку, что в течение 4 дней она не будет посещать центр города и общественные места. В противном случае ей угрожали привлечением к ответственности за «нарушение общественного порядка».

В Минске, Риге, Вильнюсе, Кишиневе, от нескольких евреев потребовали подписки о невыезде из своих городов на время визита. Известны случаи, когда милиция высаживала из поездов и самолетов,

направляющихся в Москву, лиц с еврейской внешностью. Был случай, когда мужу, русскому, разрешили сесть в самолет, а его жене, еврейке, не разрешили. Бывало, что кассы Аэрофлота отказывались продавать евреям билеты на Москву (как известно, начиная с 1970 года для покупки билета на самолет требуется предъявить паспорт).

21 мая в 8 часов утра в Москве на квартиры В. Пруссак ова («Хроника» № 25) и пяти активистов Движения за выезд евреев: доктора технических наук Р. Рутмана, кандидатов технических наук Л. Либова и В. Польского, инженера В. Слепака и историка Б. Орлова — явились, в сопровождении сотрудников милиции, лица в штатском и без каких бы то ни было юридических оснований отвезли их в различные тюрьмы Подмосковья. 22 мая был таким же образом посажен в тюрьму кандидат технических наук И. Бегун, а 24 мая — двадцатилетние А. Слепак и Л. Цыпин. Всех вышеназванных, без предъявления какого бы то ни было обвинения, продержали в тюрьмах до 31 мая. Их родственникам в отделениях милиции было устно объявлено, что причина ареста — «нарушение общественного порядка в прошлом и намерение нарушить в будущем». За их женами была установлена постоянная, открытая и грубая слежка: филёры вламывались в телефоны-автоматы, влезали в лифт, а иногда даже делали попытки войти в ту квартиру, куда шла преследуемая. 31 мая перечисленные лица были отвезены в отделения милиции по месту жительства, где сотрудники КГБ заявили им, что их изолировали с целью предотвратить возможные нарушения общественного порядка с их стороны во время визита Никсона. (Справка: советским законодательством превентивное заклю-

чение не предусмотрено.) В Ленинграде в день приезда туда Никсона, утром, перед работой, был задержан на улице инженер Л. Лернер; он был отвезен в отделение милиции и без всяких объяснений продержан там до вечера. В Киеве таким же образом были задержаны на четверо суток два человека.

22 мая в Москве на улице был задержан В. Престин. Его обвинили в том, что он «приставал к женщине». Женщина, заявившая об этом милиционеру, входила в число филёров, следивших в этот день за Престиным. Народный судья Калининского района г. Москвы приговорил Престина «за мелкое хулиганство» к 15 суткам заключения. Еще 21 мая Престин, в знак протеста против ареста его товарищей, объявил голодовку. Эту голодовку он держал до самого выхода из заключения. Аналогичному аресту на 15 суток подвергся в Ленинграде солист балета Театра оперы и балета имени Кирова В. П а н о в, незадолго до этого подавший заявление о выезде в Израиль.

21 мая в Москве сотрудники КГБ схватили на улице А. Тумермана и отвезли его в психиатрическую больницу № 5. Там его продержали до 30 мая. Все это время Тумерман держал голодовку. 24 мая Тумерман написал Никсону письмо, в котором попросил его «поставить вопрос о гражданских правах в СССР».

20 мая П. Я к и р, давая интервью корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс, сказал: «Насколько мне известно, при встречах на высшем уровне обычно не касаются проблем внутренней жизни. Однако многие из таких проблем (например, вопрос о гарантии прав личности) давно уже из внутреннего дела той или иной страны превратились в междуна-

родные проблемы. В обсуждении этих проблем руководителями крупнейших государств заинтересованы и сами эти страны, и все человечество». Приведя примеры политических преследований последних лет в нашей стране, П. Якир закончил словами: «Хотелось бы, чтобы после визита Никсона у нас не усилилась реакция, чтобы перестали за убеждения арестовывать и брать в психушки. Пора уже покончить со средневековьем»¹⁰.

ДЕНЬ ШЕВЧЕНКО НА УКРАИНЕ

21 мая — годовщина переноса праха Т. Г. Шевченко из Петербурга на Украину. Уже много лет украинская общественность отмечает этот день возложением цветов к памятнику Шевченко в Киеве, песнями и танцами вокруг памятника. В последние годы власти пытались придать всему происходившему в этот день в парке Шевченко официальный характер: вокруг памятника возводилась эстрада, присылались бригады артистов, устраивались концерты. Однако, обычно наряду с официальными мероприятиями все равно происходили «самодеятельные» народные празднества. В этом году власти решили пресечь любые попытки почтить память поэта. Парк Шевченко был окружен кордонами милиции, дружинников и «людей в штатском». Милиция прогоняла людей, останавливавшихся на улицах, проходящих вдоль парка. Милиция, дружинники, «штатские» без всяких объяснений хватали тех, кто пытался подойти к памятнику Шевченко, тех, кто пытался петь украинские песни, и даже тех, кто

¹⁰ См. «Посев» № 8, 1972. — Ред.

был в украинских вышитых рубашках или имел на груди значки Шевченко. Было задержано больше 50 человек. Несколько человек на другой день получило по 15 суток ареста «за сопротивление властям».

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ Я. ДОБОША

5 июня по украинскому телевидению была показана пресс-конференция Ярослава Добоша («Хроника» № 24). На этой пресс-конференции Я. Добош сделал заявление. Приводим выдержки из этого заявления:

«Меня попросили... сделать заявление следующего содержания. Я, Ярослав Добош, подданный Бельгии, родился в 1947 году в Западной Германии. Перед своим приездом в Советский Союз я проживал в Бельгии... и занимался на 5 курсе факультета социологии католического университета... В 1967 году... я вступил в националистическую организацию — Союз украинской молодежи (СУМ). Эта организация состоит из молодежи, которая... борется... за создание самостийной Украины... фактически руководит этой организацией... ОУН... Осенью 1971 года меня, как активного члена СУМ, выбрали председателем отделения этой организации в Бельгии... Выполняя задание ОУН... я выехал 27 декабря 1971 года из Брюсселя... в Советский Союз... Это задание состояло в том, что в Киеве и во Львове... я должен был встретиться с Иваном Светличным, Зиновией Франко, Анной Коцуровой, Леонидом Селезненко («Хроника» № 24, 25) и Стефанией Гулык и через них получить антисоветскую и

другую информацию с целью ее использования на Западе, а также я должен был передать некоторым из них деньги... 29 декабря я приехал в Киев... В Киеве я находился с 29 декабря по 1 января... В условленных местах я встретился с И. Светличным, З. Франко и Л. Селезненко и при помощи Селезненко встретился с А. Коцуровой. Всех этих лиц я проинформировал об антисоветской деятельности украинских организаций на Западе и о том, что украинские националисты в своей деятельности сотрудничают с сионистами, а от них я получил политическую информацию, которая мне была нужна, и относящиеся к ней документы. И. Светличному и З. Франко я передал для их поддержки по 50 рублей, а также дал 50 рублей за фотопленку с документами. Продолжая выполнять задание, я 3 января приехал во Львов... 4 января я встретился с С. Гулык... Во время этой встречи я проинформировал ее об антисоветской деятельности националистических организаций на Западе, получил от нее нужную нам политическую и прочую информацию и передал ей для поддержки 30 рублей. Выполнив полностью задание, я 5 января выехал из Львова. На пограничной станции Чоп меня арестовали за совершенное мной преступление и привлекли к уголовной ответственности. Я признал, что совершил тяжелое преступление против советского государства. На следствии я рассказал про свою враждебную деятельность на Украине. Я выразил надежду, что органы, учитывая мою молодость и чистосердечное признание, примут по моему делу гуманное решение. Я заверяю советское правительство, что никогда в жизни я больше не буду заниматься антисоветской деятельностью, и, если мне дадут возможность вернуться в Бельгию, то, вернувшись туда, я никогда

не буду совершать никаких действий против Советского Союза».

После этого Я. Добош ответил на вопросы присутствовавших на пресс-конференции представителей советской общественности и прессы. В конце пресс-конференции было объявлено, что, учитывая чисто-сердечное признание Я. Добоша было решено освободить его от уголовной ответственности и выдворить из СССР.

Возникает естественный вопрос: будет ли на суде над И. Светличным, Л. Селезненко и другими присутствовать главный свидетель обвинения Я. Добош или опять, как это было с показаниями Х. Себрехтса на суде над В. Буковским («Хроника» № 23), его показания будут недоступны непосредственной проверке на судебном заседании?

НОВЫЕ ФУНКЦИИ ОРГАНОВ

2 июля в Киеве открылся IX Международный конгресс геронтологов. За час до торжественного открытия конгресса известный советский биолог, автор встреченной с интересом гипотезы о причинах старения, Ж. А. Медведев был задержан и в тот же день выслан из Киева. Ж. А. Медведев — автор широко распространившихся в Самиздате и изданных на Западе работ: «История биологической дискуссии в СССР»¹¹, «Международное сотрудничество ученых и национальные границы», «Тайна переписки охраняется законом», «Кто сумасшедший?» (написана совместно с Р. А. Медведевым; в ней рассказывается о принудительной госпитализации

¹¹ См. статью Ж. Медведева «Биологическая наука и культ личности» в журнале «Грани» № 70 и 71, 1969. — Р е д.

Ж. А. Медведева в психиатрической больнице — см. «Хронику» № 14).

История столь своеобразного «участия» Медведева в конгрессе такова. Около года назад Ж. А. Медведев принял предложение Совета Международной ассоциации геронтологов прочитать лекцию на киевском конгрессе. (Подобное предложение традиционно считается символом признания бесспорных успехов исследователя.) Вскоре после этого он был приглашен участвовать в конгрессе и советским оргкомитетом в Киеве. Ж. А. Медведев выслал в оргкомитет тезисы своей лекции, необходимые документы и регистрационный взнос. Однако незадолго до конгресса оргкомитет вернул взнос и уведомил Медведева, что в связи с обилием заявок на доклады его лекция не включена в программу конгресса. Медведев сообщил о решении оргкомитета в Совет Международной ассоциации геронтологов. Президент ассоциации выразил недоумение по поводу действий оргкомитета, предпринятых без согласия и вопреки желанию Совета.

Лишившись таким образом официального приглашения на конгресс, Ж. А. Медведев, взял очередной отпуск, 29 июня выехал в Киев, где остановился у знакомых. Вице-президент Международной ассоциации геронтологов, председатель оргкомитета академик АМН СССР Чеботарев и его заместитель по оргкомитету в беседе с Медведевым отклонили его просьбу об участии в работе конгресса, сославшись вначале на отсутствие свободных мест в гостиницах, а затем — на недостаток времени для выполнения формальностей. Впрочем, было указано, что вход на заседания свободный. До начала конгресса Ж. А. Медведев имел деловые встречи с некоторыми советскими и иностранными учеными.

2 июля, в день торжественного открытия конгресса, Медведев заметил за собою слежку. За час до открытия недалеко от здания театра, где была назначена церемония открытия, он был окружен группой из 6 человек в штатском, рядом с которой стоял милиционер. Окружившие предложили Медведеву пройти с ними. На вопросы Медведева, за что, или хотя бы, кем он задержан, они не отвечали. В это время невдалеке показалась группа людей со значками участников конгресса. Заметив ее, «штатские» схватили Медведева за руки, втолкнули в машину и отвезли в отделение милиции. В милиции Медведев был обвинен в нарушении общественного порядка, причем вначале утверждалось, что оно выразилось в сопротивлении представителям власти, затем — в том, что он пытался проникнуть на конгресс, к которому не имеет отношения. Разговаривавшие с Медведевым люди были осведомлены о том, что его лекция включена в программу конгресса и о его беседе с Чеботаревым. Медведев находился в отделении около 5 часов. В конце концов ему просто заявили, что он должен уехать из Киева и при попытке вернуться на конгресс будет выслан вновь. Хотя Медведев не называл адреса знакомых, у которых он остановился, через некоторое время его вещи привез кто-то из «штатских». Медведеву вручили билет до Москвы, который он тут же оплатил. Провожавший его сотрудник неизвестных органов власти стоял на перроне до отправления поезда.

Ж. А. Медведев оказался единственным советским ученым, чьи работы были упомянуты во вступительном докладе президента Международной ассоциации геронтологов.

Недавно Ж. А. Медведев был официально извещен о том, что его просьба об участии, в качестве гостя, в Международном биофизическом конгрессе в Москве в августе 1972 года удовлетворена. Однако вскоре по распоряжению генерального секретаря оргкомитета биофизического конгресса Л. П. Каюшина он получил отказ в связи с ограниченностью мест.

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ

14 мая на одной из площадей Каунаса под лозунгом «Свобода Литве» совершил самосожжение выпускник средней школы, сын преподавателя одного из вузов Ромас Каланта (1953 года рождения). Трое его товарищей окружили горящего и не давали никому к нему подойти. Они были арестованы и им было предъявлено обвинение в «умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах» (в УК РСФСР это статья 102). Имена их «Хронике» пока неизвестны.

Р. Каланта скончался в больнице через несколько часов. Похороны были назначены на 18 мая. За несколько часов до назначенного времени тело было тайком вывезено из морга и похоронено. Люди, пришедшие на похороны, пошли на место самосожжения. Собралась очень большая толпа. Милиция стала разгонять ее. Собравшиеся оказали сопротивление. По слухам погиб один милиционер. После этого были вызваны десантные войска, которые разогнали собравшихся. «Беспорядки» продолжались и 19 мая. Многие были задержаны. Некоторые получили по 10-15 суток за «мелкое хулиганство». Против нескольких человек возбуждено уголовное дело.

В каунасской газете была помещена фотокопия письма родителей Каланты: «Нашу семью постигло большое несчастье — самоубийство сына. Каждому понятно горе родителей. А какие-то несознательные элементы, воспользовавшись нашим несчастьем, говорят о преследовании близких, пытаются нарушать спокойствие в городе. Другие только из любопытства следуют их примеру, причиняя тем самым нам еще большую боль. Ни у кого нет человеческих прав так вести себя. Самая большая поддержка нашей семье — покой». Это письмо было перепечатано в вильнюсских газетах на литовском и русском языках.

По каунасскому телевидению с «разъяснениями» выступил председатель Каунасского горисполкома. Он, в частности, сказал: «Следственные органы расследовали и выяснили обстоятельства этого самоубийства. Была создана судебно-медицинская комиссия. Участвовавшие в ее работе медики: доцент медицинского факультета Вильнюсского университета Ю. Андриушкявичене, главный врач Каунасской психоневрологической больницы В. Бернерис, главный психиатр Министерства здравоохранения Литовской ССР Ю. Гутманас, профессор Каунасского медицинского института И. Шуркус и другие специалисты в этой области, производя судебно-психиатрическую экспертизу и исследовав имеющиеся документы, записи, письма, рисунки погибшего, а также приняв во внимание показания его родителей, учителей, товарищей, пришли к выводу, что Ромас Каланта был психически больным и покончил самоубийством находясь в болезненном состоянии. Некоторые безответственные лица, группа подростков, не понимая и неправильно оценивая вышеупомянутый факт, без всякого чувства ответствен-

ности пытались нарушать общественный порядок и спокойствие в городе... Мы обращаемся к руководителям школ, учителям, родителям, молодежи и призываем способствовать обеспечению общественного порядка в городе».

В одном из номеров газеты «Кауно тиеса» были опубликованы письма, в которых «осуждаются хулиганские действия».

22 мая в той же газете была напечатана статья «Кто они, нарушители порядка?». В статье говорится: «18 и 19 мая небольшая группа хулиганов нарушала общественный порядок и спокойствие. Чтобы информировать читателей, кто эти хулиганы, редакция обратилась в прокуратуру города. Здесь мы узнали, что в большинстве — это лица, уже не раз судимые за хулиганство и другие уголовные преступления. Это опустившиеся длинноволосые, с неприглядным внешним видом, извращенные хулиганы. Вот характеристики некоторых из них». Далее в статье рассказывается о пяти задержанных на площади. Против одного из них, выпускника средней школы Генрикаса Иоцюнаса, «за нарушение общественного порядка, неподчинение и использование силы против работников милиции» возбуждено уголовное дело.

• 28 мая, во время ярмарки, на базарной площади г. Варена Стонис (1949 года рождения; сантехник) и три его товарища вывесили национальный флаг. Товарищи Стониса были сразу же схвачены милицией, ему удалось уйти. На следующий день на той же площади он совершил самосожжение. Умер он 10 июня в военном госпитале. Похороны проходили под надзором милиции и КГБ. Во время похорон все дороги в Варену были заблокированы.

- 3 июня на одной из улиц Каунаса (площадь, на которой совершил самосожжение Каланта, охраняется) сжег себя по тем же мотивам Андриушкявичус (1912 года рождения; рабочий). Умер он на следующий день в военном госпитале. Похоронен был милицией тайно, в неизвестном месте.

- 10 июня на улице Капсукас пытался совершить самосожжение Заличкаускас (1910 года рождения; рабочий), но был схвачен. Сейчас он находится в военном госпитале.

- С 11 по 18 июня в Вильнюсском дворце спорта происходили международные соревнования по ручному мячу на Кубок Балтики. Литовские студенты и школьники бурно реагировали во время каждой встречи: как только иностранная команда приближалась к советским воротам, они кричали «ура»; когда же успех был на советской стороне, они свистели. Среди зрителей было много переодетых милиционеров и работников КГБ. Они хватали кричащих и увозили. Так же поступали с теми, кто не вставал, когда исполнялся гимн СССР. Общее число задержанных — около 150 человек. Многие из них, отсидев по 15 суток, были отпущены; несколько десятков человек находится под следствием. Большинство задержанных студентов не допустили к государственным экзаменам, ученикам не выдали аттестат зрелости. В последние дни соревнований многие места во Дворце спорта пустовали, поскольку билеты не продавались, а бесплатно распространялись на предприятиях по спискам, утвержденным парткомами, причем в основном на тех предприятиях, где большинство составляют русские.

ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ

* 8 февраля газета «Пензенская правда» под рубрикой «Судебный очерк» напечатала статью «Падение» (автор — *О. Тельбух*) о суде над *А. С. Лакаловым*, обвиненным в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй» (по-видимому, статья 190¹ УК РСФСР) и, вероятно, во взяточничестве. Обвинение в статье точно не сформулировано. Указано лишь, что *Лакалов* посылал под псевдонимом «*А. Карпов*» письма на радиостанцию «Свобода», причем не прямо на радиостанцию, а по адресу одного из дикторов. «Береженного бог бережет!» — замечает по этому поводу автор статьи. (По-видимому, автор, считая вместе с редактором и цензором перлюстрацию писем совершенно естественной, иронизирует по поводу наивных мер предосторожности, принятых *Лакаловым*.) Под тем же псевдонимом, сказано в статье. *Лакалов* пытался принять участие в дискуссии «Комсомольской правды». Из статьи не ясно, как все эти письма стали известны следствию. Утверждается лишь, что «пасквили эти разоблачили простые советские люди». Приговор суда в очерке не приводится. Сказано только, что «он суров, но справедлив».

* В начале декабря «Кружок христианских демократических студентов» предложил советскому послу в ФРГ *Фалину* опровергнуть либо осудить факты преследования инакомыслящих в СССР. В ответ представители кружка были приглашены на встречу с советским пресс-атташе *Богомоловым*, которая состоялась 10 декабря. В дискуссии о деле *Синявского* и *Даниэля Богомолов* спросил у присутствующих, как они отнеслись бы к запад-

ногерманскому писателю, который в одних произведениях хвалит систему в ФРГ и одновременно в других, опубликованных под псевдонимом за границей, ругает эту систему. Ему ответили, что западный писатель имеет все возможности публиковать любую критику у себя на родине; впрочем, и публикации за границей вовсе не противоречат закону. Интересовавшимся, почему некоторые психиатрические больницы в СССР находятся в ведении КГБ, Богомолов ответил, что возможны психические заболевания иностранных шпионов, их нужно лечить, и тогда их помещают в клиники, подведомственные КГБ. (Отчет об этой беседе был опубликован в газете «Райнишер меркур» 17 декабря 1971 года.)¹²

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

В начале апреля на партбюро секции поэзии Булату Окуджаве было предложено в письме в «Литературную газету» осудить факт публикации издательством «Посев» сборника его произведений (опубликованных, за исключением, кажется, одного рассказа, и в нашей стране — «Хроника»). Окуджаву соглашался на это при условии, что ему дадут возможность одновременно осудить некоторые препятствия, стоящие на пути издания художественных произведений в нашей стране. В конце концов договорились на том, что требуемое «осуждение» Окуджаву сделает устно, на одном из писательских собраний.

¹² См. «Посев» № 1, 1972, в статье «Права человека — основа мира на земле». — Р е д.

Однако 1 июня на заседании парткома ССП¹³ СССР речь снова шла только о письме в газету. Окуджава отказался написать требуемое письмо. Партком единогласно исключил его из партии «за антипартийное поведение, выразившееся в отказе осудить факт публикации некоторых его произведений в западной прессе».

* Весной 1971 года белорусский композитор *Г. Ширма*, выступая на пленуме правления Союза композиторов, отрицательно отзывался о поисках молодых композиторов в области музыкальной формы; он сказал, что именно такие настроения привели к чешским событиям. Ширме резко возразил с места киевский дирижер Игорь Блажков. После того, как Ширма продолжал речь в том же духе, Блажков вышел из зала. Через некоторое время киевским композиторам было предложено осудить поведение Блажкова. Молодые композиторы Годзяцкий, Грабовский и Сильвестров, недавно принятые в Союз композиторов, отказались это сделать. Все трое были исключены из Союза на год. Через год, весной 1972 года, был поставлен вопрос о возобновлении их членства в Союзе, однако, руководители украинского Союза сказали, что «сейчас не время говорить об этом».

* 17 мая на собрании работников Всероссийского гастрольно-концертного объединения (ВГКО) секретарь парткома *А. В. Гибов* потребовал осудить поведение музыкантов *Михаила Гусева* и *Владимира Кондратьева*. Он рассказал, что в купе

¹³ «Союз советских писателей»; с 1954 года официальное название: «Союз писателей СССР». — Р е д.

поезда Гусев и Кондратьев вели разговоры о политике и высказывали критические замечания; их спутники по купе: председатель совхоза и депутат Верховного Совета — написали донос в КГБ, а КГБ переслало этот донос в партком ВГКО. Несмотря на требования присутствующих, Гибов отказался называть фамилии авторов письма-доноса и зачитать его полностью, мотивировав свой отказ длиной письма. Он заявил только, что Гусев и Кондратьев говорили, что условия жизни в ФРГ лучше, чем в СССР, и что у нас не печатают лучших писателей. На возражение Гусева: «Я имел в виду Пастернака» Гибов ответил: «Знаем мы, кто такой ваш Пастернак!» Гусев сказал, что он говорил только правду и поэтому ни от чего не отказывается. Собрание вынесло Гусеву и Кондратьеву общественное порицание.

* В середине мая Елена Алексеевна Костерина, дочь А. Е. Костерина («Хроника» № 5), «за деятельность, несовместимую с пребыванием в рядах КПСС, и поддержку антисоветских элементов» была выведена из состава партбюро и исключена из партии. Эта «деятельность» и «поддержка» состоят в том, что Е. А. Костерина присоединилась в мае 1969 году к письму в ООН Инициативной группы по защите прав человека в СССР («Хроника» № 8)¹⁴ и подписалась под одним из коллективных писем в защиту В. Буковского.

Несколько выдержек из выступлений при исключении Костериной. Из выступления представителя вышестоящего парткома: ...«Наш суд знает, что де-

¹⁴ «Хроника» ошибается, Е. А. Костерина поддержала письмо Инициативной группы от 17 января 1970 года. — Р е д.

лает, а вы защищаете антисоветчиков... Вот вы вспомнили об отце, который был осужден в 1937 году. Значит, правильно был осужден...» Из выступления секретаря партбюро: ...«Я не читал писем, которые подписывала Костерина, но в этих письмах защищаются люди, у которых не все в порядке по отношению к вышестоящим органам...» Из выступления одного из членов партбюро: «...Солженицын написал клевету в своем произведении «Один день Ивана Трофимовича» (так у выступавшего!)... Я Буковского не знаю, но раз его осудили, значит это правильно». После собрания, на котором Костерину исключили из партии, присутствовавшие рассказывали: «Мы, собственно, не знаем, за что исключили Костерину. Какие-то письма подписывала, но нам их не показали и не зачитывали. Но раз в партбюро решили, значит что-то нехорошее».

25 июня приказом начальника управления Костерина без всякой мотивировки была снята с должности директора станции и переведена на временную работу, сроком — на 2 месяца.

Через несколько дней домой к Костериной явились сотрудники КГБ с ордером на выемку пишущей машинки. Ордер был выписан по делу № 24 (см. «Хронику» № 24). Поскольку пишущей машинки у нее не оказалось, они через десять минут ушли.

* Жена Л. Плюща (см. «Хронику» № 24), Татьяна Ильинична Житникова, методист Управления дошкольных учреждений Министерства просвещения УССР с 12-летним стажем, мать двоих детей, отстранена от чтения лекций; ей выражено «недоверие, как методисту» и сомнение в возможности продолжать совместную работу.

* Студентка Одесского художественного училища имени Грекова Каганова была исключена из училища после заявления о выдаче ей характеристики для ОВиРа. Импровизированное комсомольское собрание закончилось антисемитскими выкриками.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Москва

• 23 мая в 17 часов редактор журнала «Вече» Владимир Осипов шел по улице Москвы. К нему подошел милиционер и, проверив документы Осипова, приказал ему садиться в подошедшую машину. Осипова отвезли во 2 отделение милиции. Там без всяких объяснений и без санкции прокурора его подвергли личному обыску, сняли отпечатки пальцев и составили протокол о нарушении паспортного режима. Не готовят ли власти В. Осипову, как некогда А. Марченко («Хроника» № 8), уголовное преследование за нарушение секретного «Положения о паспортах» (а также статьи 198 УК РСФСР)? Кроме того, милиция, опять-таки без всякой санкции прокурора, изъяла все, что было в портфеле у Осипова (научные и литературные материалы).

5 июня В. Осипов написал о случившемся беззаконии Министру внутренних дел Н. А. Щелокову письмо с требованием возвращения отнятого имущества и наказания виновных.

• 3 июля М. Н. Ланда («Хроника» № 25) была объявлена подозреваемой по статье 70 УК РСФСР.

До сих пор она вызывалась на допросы в качестве свидетеля.

- В начале июня в Москве были распространены листовки, обращенные к рабочим. Листовки имели экономическое содержание¹⁵. Точное содержание листовки «Хронике» неизвестно.

Мордовия

- В июне 1972 года осужденные на Ленинградском самолетном процессе («Хроника» № 17) объявили голодовку в связи со второй годовщиной ареста. Одно из требований голодавших: поскольку правительство Израиля предоставило им израильское гражданство, перевести их в лагеря для иностранцев.

- Геннадий Гаврилов («Хроника» №№ 10, 11, 15) этапирован из Мордовии в Лефортовскую следственную тюрьму КГБ; по-видимому — для допросов.

Киев

- 25 мая работники УВД явились на квартиры к Зиновию Меламеду, Лазарю Слуцкому и Александру Фельдману и препроводили их в милицию. Там от них потребовали подписаться под машинописным текстом «о недопущении антиобщественных поступков». После того, как они отказались это сделать, их посадили в КПЗ¹⁶. Меламед и

¹⁵ Текст листовок см. «Посев» № 8, 1972. — Ред.

¹⁶ Камера предварительного заключения. — Ред.

Слуцкий были выпущены 27 мая, А. Фельдман — 30 мая.

25 мая Кл. Гильдман была вызвана повесткой в отделение милиции. Там ей предъявили обвинение в нарушении общественного порядка. После этого она была арестована на 15 суток. В знак протеста против беспричинного ареста Кл. Гильдман с первого же дня заключения объявила голодовку.

25 мая С. Борщевский был остановлен на улице неизвестным, заявившим, что Борщевский его толкнул. Рядом оказались дружинники. Борщевского отвели в народный суд, где он получил 15 суток за «мелкое хулиганство», состоявшее в том, что он «выражался нецензурными словами и оскорблял национальное достоинство...» (чье — неизвестно — «Хроника»).

А. Фельдман, Кл. Гильдман и С. Борщевский проходят свидетелями по делу Л. Плюща и Л. Середняка («Хроника» № 24).

- Сын Надежды Светличной («Хроника» № 25) возвращен родственникам.

- Освободился из лагеря и был направлен для отбывания ссылки в Сыктывкар Валерий Ронкин.

В 1965 году в Ленинграде за участие в тайном марксистском кружке, издававшем журнал «Колокол», он был приговорен к 7 годам заключения и 3 годам ссылки.

- 12 июня по окончании срока заключения освободился из лагеря Хахаев. Ему остались еще три года ссылки.

- 22 мая из СССР выехал художник Юрий Титов и его жена Елена Строева. Когда они по-

лучили в Риме свой багаж, оказалось, что все картины прожжены серной кислотой.

- 30 мая из СССР выехал эксперт Комитета прав Человека, сын Сергея Есенина, математик (создатель нового направления в основаниях математики) и поэт Александр В о л ь п и н.

- Во время визита Никсона в Москву у Стены плача в Иерусалиме проходила голодовка репатриантов из СССР в знак протеста против преследований евреев в СССР. В голодовке приняло участие около 200 человек, в основном молодежь. Они также устроили демонстрацию перед зданием Православной миссии, где находился прибывший в Израиль патриарх Пимен. Демонстранты скандировали «Отпусти народ мой!» и передали патриарху петицию с требованием свободы религии в СССР.

- В конце 1971 года был создан «Международный комитет по вопросам меньшинств и прав человека в СССР» со штаб-квартирой в Брюсселе. Комитет был создан при непосредственном участии лауреата Нобелевской премии мира, президента Международного института прав человека Рене К а с с е н а и норвежского общественного деятеля Одда Н а н с е н а, сына Фритьофа Нансена. Комитет начал издавать на французском, английском и русском языках информационный бюллетень «Права человека в СССР». Добровольная группа при Комитете издала на французском языке 19 и 20 выпуски «Хроники текущих событий».

- Международный комитет по амнистии политзаключенных издал на английском языке все вы-

шедшие и продолжает издавать выходящие выпуски «Хроники текущих событий». В Швеции комитет СМОГ издает «Хронику текущих событий» на шведском языке.

• В Лондоне, в издательстве «Полония Бук Фонд», в 1972 году вышла на польском языке книга, содержащая полные тексты 1-12 выпусков «Хроники текущих событий» и выдержки из 13-16 выпусков «Хроники». В предисловии к этой книге переводчи- ки Нина Карсова и Шимон Шехтер пишут: «Летом 1968 года на Запад попал необычный текст... С этого дня регулярно, каждые 2 месяца начали вы- ходить в Самиздате и попадать на Запад очередные номера «Хроники». И, пожалуй, еще никто тогда не отдавал себе отчета, какое огромное значение будет иметь этот журнал для развития демократического движения и особенно для информирования западной общественности о событиях в Советском Союзе. Ла- коничные, деловые, скажем даже — сухие, лишен- ные каких-либо комментариев сообщения «Хрони- ки» о судебном и внесудебном терроре, о положении в советских тюрьмах, лагерях и тюремных психиат- рических больницах... наконец, ведущийся из номе- ра в номер обзор новостей Самиздата, — всё это стало главным и единственным источником добро- совестной информации, особенно для тех, кто хочет пользоваться такой информацией... «Хроника»... ста- ла для западной печати источником нефальсифици- рованной информации. Таким образом, она исполня- ет одну из важнейших задач: информирование и, следовательно, мобилизацию западной общественно- сти, с тем, чтобы она сильнее, чем до сих пор, реаги- ровала на то, что происходит в Советском Союзе. В этой области еще много можно и нужно сделать,

скажем прямо — сделано очень мало, но тем, что удалось достичь, мы обязаны Самиздату и в особенности Хронике».

• В Лондоне на английском языке вышла книга «Бесцензурная Россия». Составитель — английский историк Питер Реддавей. Книга содержит тексты первых 11 выпусков «Хроники», разбитых по главам и разделам. Текст выпусков сопровождается замечаниями и вступительной статьей составителя. В книге много фотографий. Предисловие к книге написано Ю. Телесиным («Хроника» № 14).

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

* В мае 1972 года в Самиздате появилось открытое письмо, авторы которого обеспокоены судьбой арестованных в январе 1972 года К. Любарского, В. Черновола, И. Светличного, Д. Шумка, Л. Плюща («Хроника» №№ 24, 25) и других. В письме говорится о затянутых сроках следствия и об отказе властей освободить К. А. Любарского под поручительство академика А. Д. Сахарова и члена-корреспондента АН СССР И. Р. Шафаревича. Авторы призывают требовать гласности предстоящих судебных процессов. Письмо подписали 17 человек.

* 7 июня Владимир Осипов направил Анджеле Дэвис письмо, в котором попросил ее обратиться к Советскому правительству с ходатайством об освобождении И. Огурцова («Хроника» № 1), В. Буковского и П. Г. Григоренко.

*** В конце июня Инициативная группа по защите прав человека в СССР в Обращении к Генеральному Секретарю ООН выразила протест против новой волны преследования за убеждения, против нарушения презумпции невиновности, против жестокого обращения с политическими заключенными и подследственными, против преступного использования психиатрии как способа давления на свободу убеждений.**

*** 7 июня Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ. В первом пункте этого указа говорится: «Установить, что за незаконную, скрытую от досмотра передачу или попытку передачи любым способом осужденным вещей, продуктов питания, денег, спиртных напитков, а также других веществ и предметов, запрещенных к использованию в исправительно-трудовых учреждениях, если эти действия не влекут уголовной ответственности, виновные подвергаются штрафу, налагаемому в административном порядке, в размере от десяти до пятидесяти рублей либо мерам общественного воздействия».**

Академики Сахаров и Леонтович отправили председателю Верховного Совета РСФСР академику Миллиончикову телеграмму:

«В связи с предстоящим утверждением на сессии Верховного Совета Указа Президиума Верховного Совета РСФСР № 615 от 7 июня 1972 года просим довести до сведения депутатов нижеследующее заявление.

Установленная Указом ответственность за незаконную передачу заключенным продуктов питания официально свидетельствует о существовании в наших лагерях и тюрьмах режима хронического голо-

дания. Никто не пойдет на незаконную передачу, если в этом нет необходимости.

Указ открывает возможность путем обысков заключенных и их посетителей еще больше ухудшить трагическое положение заключенных, хорошо известное нам из многочисленных достоверных источников.

Мы призываем депутатов проголосовать против утверждения позорного Указа от 7 июня 1972 года. Мы призываем депутатов высказаться за реформу исправительного законодательства с целью прекращения недопустимого мучительства заключенных голодом.

Михаил Дмитриевич, хотим верить, что Вы не будете безучастны».

Это заявление не было доведено до сведения депутатов. Указ, разумеется, был утвержден.

* 29 июня Комитет прав Человека изучил доклад члена Комитета А. Н. Твердохлебова «Заметки о законодательстве в области усиления борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» и принял «Мнение» по этому вопросу.

В этом «Мнении» Комитет высказывает, в частности, пожелание, чтобы наказание устанавливалось только в том случае, когда четко указано, за что это наказание дается, то есть (применительно к изучаемой проблеме) чтобы было однозначно сформулировано, что такое «антиобщественный паразитический образ жизни» и что такое «общественно полезный труд». Комитет считает, что деятельность по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей должна считаться общественно полезным трудом, при-

чем, в соответствии со статьей 122 Конституции СССР, мужчины должны пользоваться в этом вопросе равными правами с женщинами. Комитет обращает внимание на то, что использование труда в качестве наказания противоречит положению Конституции: «труд есть дело чести». Комитет считает, наконец, что наказания могут налагаться только за те или иные деяния, но не за образ жизни.

НОВОСТИ САМИЗДАТА

«ВЕЧЕ» № 5 (25 мая 1972 года)

1. Заявление редакции журнала «Вече» — протест против налета сотрудников 2-го отделения УВД г. Москвы на редактора В. Н. О с и п о в а (см. настоящий выпуск «Хроники»).

2. «Роль Н. Я. Данилевского в мировой историографии». Излагаются взгляды одного из главных теоретиков славянофильства.

3. Под общим заглавием «Общество и церковь» приводится письмо А. И. Солженицына *Патриарху Пимену* и письмо священника Сергия Желудкова Солженицыну («Хроника» № 25), а также заметка о поведении московской милиции в пасхальную ночь.

4. Под рубрикой «К Собору 1971 года» публикуются «Прошение священника Г. Якунина» (одного из авторов известного открытого письма Патриарху Алексию в 1965 году) и статьи «О старообрядцах».

5. Фёгелин, «О Гегеле — исследование чародейства» (перевод А. Т в е р д о х л е б о в а). Оригинальный взгляд на «колдуна» Гегеля, для которого власть была дороже истины, а Наполеон существование Христа.

6. Стихи неназванного автора.

7. Н. Решетовская, «Из воспоминаний». Две главы воспоминаний бывшей жены А. И. Солженицына посвящены роли Александра Твардовского в признании «Одного дня Ивана Денисовича».

8. Ю. Пятков, «Два рассказа» («Дядюшка» и «В тихой пристани»).

9. А. Скуратов, «Снова «неистовые ревнители»?». Полемика с «Литгазетой».

10. В разделе «Обсуждение романа «Август 14-го» редакция сообщает, что из-за милицейского налета на материалы «Веча» и последовавшего ускоренного выпуска 5-го номера опущены две основные статьи об «Августе». Редакция протестует против бесчестной кампании в официальной прессе против неопубликованного романа.

11. В разделе «Наша почта» публикуется письмо группы авторов, которые считают, что в наше время русским патриотом может быть не только православный, но и исповедующие другие религии, а также атеисты, в том числе последователи марксизма-ленинизма.

12. «Хроника» 5-го номера сообщает об угрозе калининского прокурора историку Л. Ренделю («Хроника» №№ 1, 21), о письме группы работников Театра оперы и балета имени Кирова (Ленинград), а также приводит письмо редактора «Веча» В. Н. Осипова генеральному директору ЮНЕСКО Рене Майо с просьбой выслать в его адрес материалы Стокгольмской конференции ООН (июнь 1972 года) об охране окружающей среды.

Карсова Нина, Шехтер Шимон. «Самиздат». Предисловие к польскому изданию «Хроники текущих событий» (см. «Краткие сообщения» в данном выпус-

ске). Размышления о советском обществе, о демократическом общественном движении, о самиздате.

Владимир Осипов, «Бердяевский кружок в Ленинграде». Очерк посвящен деятельности ВСХСОН¹⁷ («Хроника» № 1), истории разоблачения его органами КГБ и суду над членами ВСХСОН.

«ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА» А. Д. САХАРОВА

5 марта 1971 года академик А. Д. Сахаров направил Л. И. Брежневу «Памятную записку». «...Она осталась без ответа. Я не считаю себя вправе далее откладывать ее опубликование», — говорит А. Д. Сахаров в «Послесловии», написанном в июне 1972 года.

Как и в предыдущих работах («Размышления о прогрессе...», лето 1968 года — см. «Хронику» № 5; письмо руководителям партии и правительства, март 1970, написано совместно с В. Ф. Турчиным и Р. А. Медведевым — см. «Хронику» № 13), основная мысль автора: советскому обществу необходима последовательная и глубокая демократизация.

Указав, что в «Записке» «перечислены вопросы разного масштаба, разной степени бесспорности», А. Д. Сахаров формулирует в первом разделе свои предложения по неотложным вопросам. (Подчеркивание означает далее выделение заголовков «Записки».)

О политических преследованиях. Необходима общая амнистия политзаключенных, в том числе, на-

¹⁷ Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. См. Посев» № 1, 1971. Этот очерк опубликован в «Посеве» № 11, 1972. — Ред.

пример, осужденных по религиозным мотивам, и содержащихся в психиатрических учреждениях. Необходимы фактическая гласность рассмотрения судебных дел и пересмотр судебных приговоров, вынесенных с нарушением гласности. Необходим закон о защите прав лиц, подвергаемых принудительной психиатрической госпитализации. Необходимы законодательные акты о гласности, свободе информационного обмена и убеждений.

Решению национальных проблем и проблемы выезда из нашей страны способствовали бы законы о полном восстановлении прав выселенных при Сталине народов и законы, обеспечивающие беспрепятственное осуществление права граждан на выезд из страны и свободное возвращение в нее.

О международных проблемах. Необходимо объявить в одностороннем порядке об отказе от применения первыми оружия массового уничтожения и допустить на территорию своей страны инспекционные группы для эффективного контроля за разоружением. Необходимо изменить позицию СССР на Ближнем Востоке и во Вьетнаме и добиваться мирного урегулирования на условиях компромисса; предложить широкое использование войск ООН для достижения стабильности в этих районах.

Тезисы и предложения автора более общего характера изложены во втором разделе «Памятной записки». Отметив положительные изменения в стране после 1956 г., А. Д. Сахаров констатирует отступления, непоследовательность и медлительность в осуществлении новой линии и необходимость четкой и последовательной программы дальнейшей

демократизации. Среди трудностей социального развития автор отмечает обострение национальной проблемы, сложности взаимоотношений партийно-государственного аппарата и интеллигенции, а также взаимоотношений основной массы трудящихся, разочарованных в «громких словах», и привилегированной группы «начальства», куда отсталые слои населения в силу традиционных предрассудков часто относят главным образом интеллигенцию. А. Д. Сахаров характеризует общество, к осуществлению которого должны быть направлены неотложные государственные реформы и усилия граждан. Основная цель государства — охрана и обеспечение прав граждан. «Защита прав человека выше других целей». Действия государственных учреждений целиком основаны на стабильных и известных гражданам законах, обязательных для всех. «Счастье людей, в частности, обеспечено их свободой в труде, в потреблении, в личной жизни, в образовании, в культурных и общественных проявлениях, свободой убеждений и совести, свободой информационного обмена и передвижения». Контроль общественности за законностью, справедливостью и целесообразностью принимаемых решений помогает гласность, которая способствует прогрессу, благосостоянию и безопасности страны. Целесообразное и справедливое поощрение труда, способности и инициативы обеспечено соревновательностью, гласностью и отсутствием привилегий. Страна и общество всегда готовы к международному сотрудничеству и помощи, основанным на общечеловеческом братстве, но не нуждаются «во внешней политике как средстве внутренней политической стабилизации, или для расширения зоны влияния или экспорта своих идей; обществу чужды мессианство, заблуждения о единствен-

ности и исключительности своего пути и отрицании пути других...»

Исходя из этого представления о разумном обществе, автор приводит свои соображения и предложения по основным аспектам государственной и общественной жизни.

Внешняя политика. Главная проблема — отношения с Китаем. Всегда оставляя Китаю возможность сотрудничества и совместного движения по демократическому пути, необходимо одновременно проявить особую заботу о безопасности страны, избегать всех других возможных внешних и внутренних осложнений, учитывать отношения с Китаем при осуществлении плана освоения Сибири.

Нужно выступить с инициативой создания «Международного совета экспертов по вопросам мира, разоружения, экономической помощи нуждающимся странам, по защите прав человека, по охране природной среды» — международного консультативного органа из авторитетных и беспристрастных лиц. Рекомендации «Совета экспертов» должны быть гласными и обоснованными. Следует заключить международный пакт, обязывающий законодательные и правительственные органы рассматривать рекомендации Совета и принимать по ним гласные решения, независимо от того, приняты рекомендации или нет.

Экономические проблемы, управление, кадры. Необходимы углубление экономической реформы 1965 года и увеличение хозяйственной самостоятельности предприятий, пересмотр ряда ограничений в отношении подбора кадров, зарплаты и т. д.

В области кадров и управления необходимы расширение гласности в работе всех государственных учреждений, выборность и фактическая сменяемость

при непригодности руководителей всех уровней, ликвидация системы «выборов без выборов», то есть выборов без избыточного числа кандидатов. Необходимы ликвидация привилегий, обусловленных служебным или партийным положением, ликвидация номенклатурных списков, публикация величины должностных окладов.

В качестве мер, способствующих расширению сельскохозяйственного производства на приусадебных участках колхозников, рабочих совхозов и единоличников, предлагаются увеличение земельных угодий этих лиц, изменение налоговой политики, изменение системы снабжения этого сектора сельскохозяйственной техникой, удобрениями и т. д.

Автор предлагает расширить возможности и выгоду частной инициативы, например, в сфере обслуживания, в медицинском обслуживании, мелкой торговле, образовании.

Необходима постепенная отмена паспортного режима, нарушающего права граждан и тормозящего развитие производительных сил страны.

В области информационного обмена, культуры, науки и свободы убеждений необходимо поощрять свободу убеждений, дух изучения и делового беспокойства. Нужно прекратить глушение иностранных радиопередач, войти в международную систему охраны авторских прав, ввозить в страну больше иностранной литературы. Необходимо обеспечить фактическое отделение церкви от государства, юридически, материально и административно обеспечить свободу совести и вероисповедания. В общественных и гуманитарных науках нужно способствовать расширению направлений творческого поиска, всеобъемлющему использованию зарубежного опыта, независимости от предвзятых точек зрения.

В социальной области нужно рассмотреть вопрос о возможности отмены смертной казни. Необходимо отменить особый и строгий режимы лишения свободы, совершенствовать пенитенциарную систему, используя рекомендации ООН и зарубежный опыт. Рассмотреть возможность учреждения общественно-наблюдательного органа с целью исключить возможность применения физических мер воздействия к задержанным, арестованным, подследственным и осужденным. Необходимо резкое улучшение качества образования. С этой целью предлагается повышение оплаты и самостоятельности преподавателей, уменьшение унифицированности системы образования, дополнительные гарантии права на убеждения. Для улучшения медицинского обслуживания целесообразно, в частности, расширение сети платных учреждений, увеличение роли частно практикующих медицинских работников, увеличение зарплаты медработникам.

В правовой области необходимы ликвидация явных и скрытых форм дискриминации (по национальному признаку, убеждениям и т. д.); фактическая гласность судопроизводства; ратификация Пактов о правах человека и присоединение к Факультативному протоколу к этим Пактам.

В области взаимоотношений с национальными республиками весьма желательны юридическая разработка вопроса о праве республик на отделение и принятие закона о гарантиях такого права. Автор коротко приводит правовые, политические, экономические и военные доводы в пользу такой точки зрения.

Послесловие (июнь 1972) содержит авторскую оценку положения в советском обществе.

Приводим его в выдержках:

«Наше общество заражено апатией, лицемерием, мещанским эгоизмом, скрытой жестокостью. Большинство представителей его высшего слоя... цепко держится за свои явные и тайные привилегии и глубоко безразлично к нарушениям прав человека... к безопасности и будущему человечества. Другие, будучи в глубине души озабочены, не могут позволить себе никакого «свободомыслия» и обречены на мучительный разлад самих с собой... Ростки нравственного возрождения... которые возникли после ограничения крайних проявлений слепой террористической системы сталинизма, не встретили должного понимания у правящих кругов. Основные классово-социальные и идеологические черты строя не претерпели существенных изменений. С болью и тревогой я вынужден отметить, что вслед за иллюзорным в значительной мере либерализмом вновь усиливаются ограничения идеологической свободы, стремление к пресечению не контролируемой государством информации, преследования по политическим и идеологическим мотивам, намеренное обострение национальных проблем...»

Приведем еще выдержку, имеющую несколько иной характер: «Я по-прежнему считаю, что преодоление трагических противоречий и опасностей нашей эпохи возможно только на пути сближения и встречной деформации капитализма и социалистического строя... Сейчас мне в еще большей мере, чем раньше, кажется, что единственной истинной гарантией сохранения человеческих ценностей в хаосе неуправляемых изменений и трагических потрясений являются свобода убеждений человека, его нравственная устремленность к добру...»

ПОПРАВКИ К ПРЕДЫДУЩИМ ВЫПУСКАМ

Обыск в г. Умани («Хроника» № 24) был произведен не у Е. Л. Олицкой, а у проживающей вместе с ней Н. М. Суровцевой - Олицкой, жены ее старшего брата.

В «Хронике» № 25 по недосмотру было указано, что судьба Г. И. Бендерского неизвестна. На самом деле о судьбе его было напечатано в «Хронике» № 13 и в Приложении к «Хронике» № 17. 12 января 1970 года, находясь в Киевской следственной тюрьме КГБ, он покончил жизнь самоубийством. Кроме того, в «Хронике» № 25 были перепутаны инициалы Г. И. Бендерского.

В изложении меморандума литовских католиков Л. И. Брежневу («Хроника» № 24) говорится о разрушении костелов. На самом деле в меморандуме сказано, что власти не разрешают верующим восстанавливать разрушенные костелы.

СЕЯТЕЛЬ

Социал-демократический агитационный листок

№ 1

Сентябрь 1971

ЗАЯВЛЕНИЕ ГРУППЫ «СЕЯТЕЛЬ»

Нашей целью является создание социал-демократической партии в России. Мы прекрасно понимаем, что общая ситуация в стране, положение маленькой изолированной группы, наша неопытность, с вытекающими из нее промахами, — все это делает крайне маловероятной возможность, что мы успеем достичь убедительных результатов. Но мы верим в будущее этого дела. Ясно, что поставленная нами задача не может быть исполнена одной небольшой группой; для ее осуществления требуется более или менее согласованное действие серьезных общественных сил. Однако, мы убеждены, что подобное движение диктуется объективными социальными законами, следовательно, оно должно рано или поздно ощутимо проявиться. Поэтому мы начинаем наше дело полные надежды, что в конечном итоге мы не окажемся одни. Мы уверены, что сколько бы мы ни успели сделать, даже маленький толчок в этом направлении принесет определенную пользу.

Мы считаем, что наше общество — как, впрочем, возможно и все человечество, — находится в катастрофическом положении, и нависшие над ним опа-

сности ставят под угрозу самое его существование. Пришла пора, наконец, проснуться и сознательно рассмотреть наши запущенные проблемы. Независимая, либеральная активность, проявляющаяся в нашей стране последние несколько лет, показывает, что общественное сознание пробуждается. Этот процесс является неизбежным, и никакие, самые отчаянные меры не смогут его отменить. Прекратить освобождение мысли могло бы только уничтожение самого общества или же — что почти то же самое — «культурная революция» китайского образца, которая отбросила бы страну на несколько десятилетий назад и имела бы пагубные последствия для правящей верхушки.

Хотя это прогрессивное движение является неотвратимым, на каждом честном и мыслящем человеке лежит долг всеми силами его поддерживать. Слишком велика опасность того, что новые силы будут расти очень медленно, и прежде, чем они окрепнут, страшная катастрофа обрушится на общество и сделает бессмысленными любые надежды, любые начинания, любые планы. Созреют ли быстрее силы разума и сознания или же стихийные силы разрушения, — это вопрос, который решается усилиями и активностью каждого из нас.

Мы хотим внести свою маленькую посильную лепту в этот общий процесс освобождения мысли и активации сознания. Нас не вполне удовлетворяют те решения, с которыми мы до сих пор сталкивались, в том числе и решения, предлагавшиеся из либерального лагеря. Мы считаем своим долгом представить на суд независимо мыслящей части общества нашу собственную точку зрения. Мы убеждены в общей пользе этого, даже если будущее покажет, что мы не во всем правы.

Ниже мы помещаем изложение наших самых общих принципов, которые будут развиты в дальнейших выпусках, если этим выпускам суждено увидеть свет.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ГОСКАПИТАЛИЗМ

Факты показали, что на смену частнокапиталистическому строю пришел не освобождающий личность социализм, а административный госкапитализм. Наша страна является страной самого развитого и самого чистого госкапитализма.

Руководящей силой этого строя является административный класс. В него входят государственные, партийные, производственные руководители, профсоюзные, молодежные, пропагандистские деятели, высшие военные и работники госбезопасности, всевозможные председатели, секретари, директора, начальники отделов и т. д. Административный класс организован в аппарат, то есть в строго иерархическую систему.

В нашей стране госкапитализм прошел три фазы:

Первая, большевистская, продолжалась около 10 лет. Она была бесспорно прогрессивной. На этой фазе госкапитализм утвердился в борьбе против изжившего себя предшествующего, буржуазного строя. Во вполне подчиненное положение была переведена частная собственность на средства производства промышленности, таким образом, были заложены основы централизованного планирования экономики. В то же время, во главе аппарата стояли довольно культурные люди, в политике проявлялась должная гибкость, и общество располагало известной степенью интеллектуальной свободы и информационного разнообразия.

Вторая фаза продолжалась четверть века. Это была фаза сталинизма, расцвета административного госкапитализма и в то же время наиболее зверского и грубого его выражения. «Старая гвардия» большевизма была сметена сталинской шайкой и, в основном, уничтожена. Фактически это был переворот. Система окостенела, совершенно потеряла гибкость, стала абсолютно бездушной и бесчеловечной. Сви-репость сталинского режима позволяет назвать его фашистским. Негибкость системы и ее жестокость очень дорого стоили. В то же время, и несмотря на все издержки и ужасную, нравственно ничем не оправдываемую жестокость, сталинский режим полностью использовал все плюсы госкапиталистического строя. Индустриализация и война продемонстрировали страшную силу режима, его способность концентрировать усилия и достигать поставленных целей, даже несмотря на невероятную ограниченность и ошибки руководства.

Третья фаза продолжается и сейчас. Она началась со смерти Сталина и ознаменовалась значительным смягчением режима. Самые вопиющие несправедливости и нелепости были устранены. Это принесло известные плоды, и режим, на некоторое время, как бы получил дополнительные силы. Однако, гибкость первой фазы так и не удалось вернуть. Режим одряхлел, гибкость для него уже невозможна. И хотя с человеческой стороны новый порядок намного лучше сталинского, с объективной социальной стороны он является его прямым продолжением, а вовсе не возвращением к широким горизонтам большевизма.

Сейчас режим переживает серьезный кризис. Положительные результаты хрущевских реформ уже

исчерпаны, а дальнейшие преобразования невозможны без коренного изменения всей системы.

КРИЗИС ГОСКАПИТАЛИЗМА И НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Наряду с административным классом в госкапиталистическом обществе огромное значение имеет класс научной интеллигенции. Это первый в истории класс (то есть значительная группа, играющая одну из определяющих ролей в общественном производственном процессе), по самому своему определению состоящий из самостоятельно мыслящих людей, для которых интеллектуальная и информационная свобода является необходимым условием успешности их общественно-полезной производительной деятельности.

С ростом значения науки в жизни общества росло и значение этой группы, достигнув, в конце концов, того уровня, когда ее уже можно стало называть классом. В ходе научно-технической революции этот класс становится потенциально важнейшей и наиболее мощной группой в обществе.

Однако, окостеневший госкапитализм вовсе не собирается предоставить науке и научному принципу подобающее им место в общественной системе. Отсюда, собственно, и проистекают все наши хронические трудности и недостатки, приведшие уже к социальному кризису и угрожающие полной катастрофой.

Наши беды многочисленны и тяжелы. Загрязнение среды оставляет нам, в лучшем случае, несколько десятилетий, чтобы одуматься, но реально не предпринимается практически ничего, и не видно,

чтобы это положение в корне изменилось. Нервно-физиологическое состояние современного человека является критическим. Взаимное непонимание между различными группами общества с вытекающими отсюда трениями и общей социальной напряженностью возрастают. Аппарат насквозь коррумпирован и потерял всякую эффективность; даже в тех вопросах, которым само правительство придает чрезвычайное значение, ему почти ничего не удастся достигнуть. Внешнеполитическое положение сейчас относительно стабильно, и все-таки провалы следовали последние годы один за другим. Экономическая система нуждается в срочной модернизации и рационализации, жизненный уровень продолжает оставаться низким и растет очень медленно, если вообще растет. Самое же главное, общество утратило старые идеалы и ничего не получило взамен. От этого растет всеобщее недовольство и опустошенность, приведшая к нравственным вывихам, преступлениям, алкоголизму. Люди теряют почву под ногами, и страна на глазах движется к развалу.

Все это — следствие острого несоответствия производственных отношений производительным силам. Самодержавный административный принцип более не может удовлетворять естественным потребностям. Общество во всех своих сферах — экономической, политической и массово-культурной — должно быть рационализировано, и его механизм должен стать более точным и гибким. Должна быть обеспечена большая компетентность руководства общественными делами. Наконец, мы нуждаемся в срочной гуманизации социальной системы, в противном случае, ее основа — человек — может просто не выдержать степени напряжения современной цивилизации.

Это несоответствие режима ситуации, это противоречие общественной организации производительным силам приводит к усилению классового антагонизма между административным классом и интеллигенцией. Административный класс боится широкого применения научного принципа. Его собственная абсолютная власть, его собственные привилегии основаны на подавлении интеллектуальной свободы и пропагандистском оглушении населения, лишении его права на информацию. Любые серьезные преобразования угрожают его собственному монопольному положению в обществе. Что же касается интеллигенции (прежде всего научной), то она чувствует неестественность существующего положения, и это порождает в ней недовольство, переходящее в оппозиционные настроения.

По свойствам самого режима, классовый конфликт долгое время оставался совершенно скрытым. В последние годы, однако, он достиг такого напряжения, что проявился в серии либеральных выступлений.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЛИБЕРАЛИЗМА

Эти либеральные выступления производят впечатление. Однако, с нашей точки зрения, либеральное движение до настоящего момента обладало рядом существенных недостатков, не избавившись от которых оно не сможет сыграть значительной, добавочной ему роли в общественной жизни.

Либеральные выступления носили часто характер открытых самосажательских демонстраций и протестов. Несомненно, в общем и целом подписание и демонстрантство сыграли положительную роль, привлекая внимание интеллигенции к прогрессив-

ному движению. Но они же и ослабили это движение, поставив под удар наиболее активные его кадры; это неизбежно вызвало деморализацию. Мы считаем, что кроме исключительных случаев, открытое протестантство совершенно неуместно в нашей ситуации и не должно бы быть даже второстепенной линией подобного движения. Само собою, это всего лишь наше мнение, которое мы не можем и не хотели бы никому навязывать. Мы также, конечно, не имеем в виду тех людей, которые прочно связали себя с открытыми выступлениями и для которых другие пути все равно практически почти закрыты.

Многие выступления носили исключительно морализаторский и законнический характер. Такая линия не способствовала расширению базы движения, даже среди интеллигенции. В целом либералы недооценили современного человека. Они очень много места уделили волнующей информации и возмущению, и очень мало попыткам анализа режима и его объяснению. Между тем современный человек, и прежде всего интеллигент, нуждается больше всего в понимании происходящего, он стремится думать и понимать, ему мало благородных эмоций. Его вряд ли можно подбить на активность, пока он не поймет сам, в чем дело, причем ему требуется разностороннее понимание, а не только лишь чисто юридическое и нравственное.

Самое же главное, либералы не предложили убедительной альтернативы режиму. Современный режим плох, он катится в пропасть, — все верно. Но пока что он все-таки дает людям возможность существовать, относительно полного беспорядка он все-таки является благом. Средний интеллигент очень хорошо чувствует это. И помимо вопроса о

личной безопасности (вопроса, который тоже имеет значение), современный человек думает и о своей ответственности. Можно ли призывать к изменениям, не видя более или менее ясно их путей и результатов? Можно ли в нашей критической ситуации действовать из одних благородных эмоций, не давая себе труда подумать о цели?

«Чистая либерализация», очевидно, вовсе не является альтернативой. На базе существующего режима, без коренных преобразований в политике и экономике, она просто не может иметь места, ибо наш режим есть режим власти аппарата, ибо его стабильность как раз и основана в значительной степени на подавлении свободы. Можно ли нападать на эту его опору, даже не упоминая о сопутствующих преобразованиях в обществе? Это производит лишь впечатление безответственности!

Конечно, у либералов были попытки выработать альтернативу. Они, однако, носили какой-то стыдливый характер, не доводились до конца и были разрознены. Самая значительная из этих попыток — письмо Сахарова¹. Оно имеет огромное значение, но нам кажется, что в ряде мест эта альтернатива лишена определенности, это все-таки не программа. Кроме того, нет ощущения, что кто-нибудь принимает ее как программу. Позиция либералов — как целого — очень неопределенна. Политическое действие, исходящее из такой позиции, повторяем, производит впечатление безответственного и не может

¹ А. Д. Сахаров, «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе», издательство «Посев», 1970. См. также о «Памятной записке» А. Д. Сахарова в № 26 «Хроники» (этот выпуск «Вольного слова»). — Р е д.

заслужить активной поддержки людей, нуждающихся в понимании и серьезном обосновании своих действий.

НАУЧНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Нам кажется, что альтернативой госкапиталистическому абсолютизму может быть только выдвинутая идея научно-демократического управления обществом. Она, однако, нуждается в конкретизации.

Западная демократия, ныне почти всюду находящаяся в состоянии кризиса или перерождения, имела в качестве своей основы и гарантии частную собственность. Об этой основе сейчас не может быть и речи. Частная собственность умирает на Западе, как она умерла давно у нас; реанимация ее в существенных масштабах невозможна.

В наше время вопрос о собственности теряет свое значение и заменяется вопросом о власти. Этот вопрос может быть разрешен лишь старой идеей разделения власти. Однако, сейчас эту идею невозможно понимать так же, как в прошлом веке. Полное главенство демократического принципа сейчас также невозможно, современное индустриальное общество требует безотказного механизма управления и компетентности в руководстве. Западные парламенты больше не правят, они лишь, в лучшем случае, контролируют. Они также и не законодательствуют в полном смысле этого слова, но лишь утверждают законы, и опять же контролируют общее направление законодательства. За демократическим органом может (и должно) быть утверждено лишь право верховного контроля, наблюдения и информации.

Однако, вся полнота активной законодательной и исполнительной власти не может быть закреплена

за иерархическими аппаратами, как мы видим у нас (и к чему дело движется на Западе). Бюрократические аппараты — государственные, партийные, хозяйственно-экономические (крупные компании на Западе) — имеют тенденцию превращать себя в исключительную и самодовлеющую силу. Попадая в монопольное положение, они, в условиях развитого индустриального общества, не могут обеспечить достаточно гибкого и компетентного руководства и в то же время подавляют интеллектуальную свободу, используя все средства для закрепления своей самодержавной власти.

В интересах общества обеспечить необходимую компетентность при разработке общих основ социальной жизни и существенных направлений руководства. Эта мысль выражена в статье «О придании законодательных функций Госплану»², которая была написана Лениным в самом конце его жизни, когда он наблюдал наступление «аппаратчиков» и искал противовес нарождавшемуся сталинизму. Однако, Ленин в то время был уже практически отстранен от политической жизни (отчасти вследствие болезни, отчасти властью Сталина), классовые силы научной интеллигенции были еще очень слабы; время этой идеи не пришло еще, и она не только не получила осуществления, но и не была тогда в полном смысле реальной. Теперь, в новой, разумеется, форме, этот вопрос встает на повестку дня. Должен существовать независимый компетентный орган, образованный специалистами, экспертами, учеными, который занимался бы разработкой общих основ экономического и политического устройства и общих основ социальной жизни. Если даже и нельзя

² См. В. Ленин, Соч., Изд. 5, т. 45. (Статья написана 27-29 декабря 1922). — Р е д.

сразу предоставить такому органу всю полноту законодательной власти, то все-таки должны существовать процессуальные гарантии его определяющего влияния на законодательство; одна из таких возможных гарантий указана в упомянутой заметке Ленина.

Исполнительная власть аппарата, ограниченная, таким образом, контролем демократического органа и законодательным влиянием научного института экспертов, сможет быть действительно поставлена на службу обществу. При этом в своей, оставленной ей сфере, она должна располагать достаточным авторитетом. Это позволит обществу пользоваться необходимой для развития интеллектуальной свободой, не потерявши, в то же время, столь характерной для централизованного госкапитализма способности концентрировать свои усилия.

Для предотвращения закрепления правящей верхушки должна быть сокращена разница в доходах. Разница в доходах, превышающая 3-5-кратный размер на человека, противоречит здравому смыслу, лишена экономического оправдания и способствует образованию привилегированных групп, склонных защищать свои привилегии за счет общества.

Разделение власти будет гарантировать достаточную свободу сверху. Снизу же свобода должна гарантироваться большей независимостью общественно-экономических единиц. Мы нуждаемся, таким образом, в действительном и широком осуществлении экономической реформы, в предоставлении предпрятиям максимальной независимости, совместимой с определяющей ролью центра в общей экономической и социальной политике. В пределах же самих предприятий должна получить развитие производственная демократия.

Эти самые общие положения дают представление о том, что мы понимаем под научно-демократическим социализмом. Подобное комплексное преобразование строя вполне возможно. С нашей точки зрения — это единственная альтернатива катастрофе. Переход к научно-демократическому социализму разрешил бы наши национальные проблемы и способствовал бы улучшению мировой ситуации.

ПРОГРАММНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Мы, таким образом, предлагаем либеральному движению следующую примерную программу:

1. Научно-демократическое управление обществом, научная реорганизация механизма власти.

2. Последовательное проведение экономической реформы, вплоть до осторожного введения элементов НЭПа (мелкой частной собственности в сельском хозяйстве, обслуживании), при определяющем значении центра.

3. Производственная демократия внутри предприятий.

4. Сокращение разрыва доходов до 5-6-кратного на человека.

5. Либерализация, в смысле ослабления и, кроме исключительных случаев (порнография, пропаганда насилия), снятия идеологических и информационных ограничений.

6. Общая гуманизация политики, переключение ее целей с чисто производственных показателей на человеческие.

7. Прекращение поглощающих большие средства внешнеполитических авантюр (например, безогово-

рочная поддержка полуфашистских арабских режимов, жандармские акции в Восточной Европе), более логичная и принципиальная внешняя политика.

8. Немедленное принятие гораздо более энергичных мер в катастрофических вопросах, прежде всего относительно состояния человека и среды.

Нам кажется, что против подобной программы вряд ли могли бы иметь что-нибудь какие-либо силы в либеральном движении. Речь, в конце концов, идет о мерах, неотложность принятия которых почти очевидна.

Значение подобной программы заключалось бы в том, что она четко определила бы, что, собственно, такое либеральная оппозиция и чего она хочет, и показала бы, что у либеральных сил действительно есть представление о необходимом комплексном преобразовании общества. Фактическая программа превратила бы либеральную оппозицию из неопределенного конгломерата в политическую партию, в партию научно-демократического социализма.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПАРТИИ

Под словом «партия» мы не подразумеваем здесь централизованную организацию. В широком смысле слова, партия — это просто сторона в политической борьбе. От «движения» «партию» отличает более четкая определенность позиции.

Что касается централизованной организации, то с принципиальной стороны ее желательность кажется нам сомнительной; в разных случаях она может быть хороша или плоха, вопрос этот должен ре-

шаться, исходя из конкретных обстоятельств. Практически же создание единой организации все равно невозможно и могло бы привести только к трагическим последствиям.

Другое дело — объединение независимых групп на базе единой программной платформы. Неудачи отдельных маленьких групп не наносили бы существенного ущерба общему делу. В то же время общая программа жизненно необходима, она придает движению необходимое единство, она сможет стать центром притяжения и консолидации всех прогрессивных сил, она сможет стать тем знаменем, которое будет собирать всех недовольных, все оппозиционные элементы. Главное же, она будет указывать выход из создавшегося положения. Мы считаем весьма существенным, с точки зрения морального воздействия на общество, чтобы оппозиция выступала именно как партия.

Как уже сказано, мы представляем себе эту партию в виде независимых групп, окруженных сочувствующим «ореолом» и стоящих на некоторой общей платформе. Очень важно, чтобы партия допускала участие, так сказать, неформальное членство на разных условиях, в соответствии с готовностью каждого сочувствующего, — участие от самоотверженного активизма до незначительной помощи слегка симпатизирующего.

В сущности это совпадает с тем, как организована на данный момент либеральная партия. То новое, что мы предлагаем, это более определенная и конструктивная программа, более реалистическая и продуманная тактика и название «социал-демократическая партия». Последнему моменту мы придаем пропагандистское значение. Названием «социал-демократическая» мы хотим подчеркнуть связь не с

не вполне удачными явлениями в отечественной истории, а с прогрессивными левыми силами Запада. Слово же «партия» даст, нам кажется, некоторый импульс, заставит воспринимать предлагаемую программу, как альтернативу. Там, где есть две партии (хотя бы одна из них была в крайне неблагоприятном положении) — там есть два выхода.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Основной стратегической задачей мы считаем — добиться превращения прогрессивного движения в действительную силу, так, чтобы оно могло участвовать в определении судьбы общества. Тогда станет возможным достижение каких-то компромиссов с режимом и постепенное реформационное развитие.

Сейчас эта цель кажется недостижимой. Но фактически, при правильной постановке дела в ней нет ничего нереального. Если основная часть научной интеллигенции будет стоять на платформе альтернативы, если более широкие круги интеллигенции будут относиться к этой платформе с известной симпатией, если другие классы общества, прежде всего рабочий класс, не будут иметь оснований для враждебного отношения, — тогда цель уже будет достигнута. А это вещь, действительно, вполне реальная.

Но сейчас до нее еще далеко. Прогрессивные силы слабы. Поэтому мы и считаем неуместным для них расходиться на открытые демонстрации и протесты, — еще раз повторяем, кроме исключительных случаев.

Что же касается работы, то ее очень много. Это — разработка теории, просвещение, пропаганда, агитация.

Необходима — и вполне возможна — теоретическая разработка общественных проблем. Мы, конечно, не можем и не хотим ни от кого ничего требовать, тем более в отношении свободной самоиздаваемой печати. Но нам кажется абсурдным положение, когда незаурядные и умные люди тратят время и энергию, подвергая себя риску, на заведомо безнадежные дела, в то время, как они могли бы сделать очень много полезного. Нам кажется довольно бесплодным собирание в таких масштабах чисто обличительной информации, юридическое крючкотворство и морализаторство. В какой-то степени все эти вещи нужны и полезны, но все-таки основное место в Самиздате, нам кажется, должны были бы занять анализ и объяснение существующего положения и конструктивная разработка выхода из него. Самым пагубным, нам кажется, было бы эмоциональное буксование на месте, превращение Самиздата из орудия политического действия в самоцель и прогрессивизма, из серьезной работы — в пикантный способ существования. Весьма важно также дельное ознакомление либеральной публики с результатами развития социал-демократической мысли на Западе.

Второй задачей после углубления теоретической базы прогрессивного движения является расширение его человеческой и социальной базы, то есть — пропаганда и агитация. Прогрессивное движение должно выступать исходя из интересов всего общества в целом, всех его групп, поэтому принципиально его пропаганда и агитация должны иметь в виду представителей всех классов. Однако, практически, конечно, основные усилия должны направляться в среду интеллигенции и полуинтеллигенции, просто потому, что здесь можно ожидать более непосредственного отклика, вследствие боль-

шей образованности и психологической подготовленности. Но чего решительно не должно быть — это кастового духа.

Практическая и теоретическая разработка, агитация и пропаганда сводятся к Самиздату. Здесь есть возможности для участия на любом уровне. Писательская работа, дублирование, распространение, просто устная агитация — от серьезной до почти невинного, мимоходом упоминания — все может быть полезным.

Из соображений целесообразности, мы считаем, вытекает желательность для политического Самиздата быть в основном анонимным и псевдонимным.

Естественно, что определение более частных и конкретных задач, может быть делом лишь непосредственно ведущих работу групп, — хотя в принципе здесь возможен в будущем обмен опытом.

ЗАДАЧИ ЛИСТКА

Как уже сказано, настоящий листок имеет своей целью агитацию в среде либеральной, независимо мыслящей интеллигенции за создание социал-демократической партии.

Наша работа будет, естественно, определяться нашими возможностями.

Если будущим выпускам суждено увидеть свет, мы собираемся развить в них некоторые из изложенных выше принципов.

Мы призываем всех, кто поддерживает наши идеи, способствовать распространению листка. Мы просим об этом также тех, кто, не разделяя наших убеждений, сочувствует делу свободной прессы.

Будем рады любой поддержке и любому отклику.

С Е Я Т Е Л Ь

№ 2

ВЫХОД В ПОЛИТИКУ. НЕОБХОДИМЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Независимо мыслящая часть нашего общества еще почти совсем не понимает необходимости политического действия.

Самая идея «заниматься политикой» в наших условиях кажется детски наивной. Немногие способны принять ее серьезно. Даже те, кто под давлением своего разума и своей совести объективно входили в политическую сферу, порой вполне искренне, а не только для маскировки от властей, отрицали политический характер своих устремлений. Бессознательная маскировка здесь, конечно, была, но совсем иного рода: люди боятся показаться смешными, обнаружив «детскую веру» в то, что «что-то можно сделать».

Все это понятно. В течение долгого времени в нашей стране начисто отсутствовала прогрессивная политическая деятельность. Те слабые намеки на нее, которые появились в последние годы, вызывали двойственное отношение у мыслящих людей. С одной стороны, им невозможно не сочувствовать. Но с другой, они как будто ясно и очевидно демонстрируют бесполезность и бесперспективность подобных попыток. И мыслящий человек, оберегая свою солидность, с чувством превосходства, хотя

В полученном экземпляре день выхода не указан. Предположительно, этот номер выпущен в конце 1971 года.
— Р е д.

также и с сочувствием, скажет: «Детская романтика».

Нас столько воспитывали кнутом, — стоит ли удивляться, что в значительной степени мы воспитались? Позиция многих в этом вопросе бессознательно определяется понятным стремлением оправдать безопасный образ жизни. Не меньшую роль играет инерция ограниченного здравого смысла, отказывающегося принимать новые идеи. На наших глазах столько раз торжествовала несправедливость и неразумие, что иное положение стало нам казаться детской сказкой. Мы еще готовы проявить, порой, личную нравственность, даже героизм, но действовать во имя якобы осуществимой цели — фи, какая наивность. Нас просто поломали. И эта наша внутренняя сломленность принимает самые разные формы, — от грубо обнаженной до самых тонченных.

И все-таки, обращение к политике — не шизофреническая блажь пострадать и не наивная романтика, а суровая необходимость для всякого, в конечном итоге, человека, который кого-то или что-то любит в этом мире. Последовательный человек поймет эту необходимость раньше, остальные будут боязливо и стыдливо отворачиваться, пока она не стукнет их по голове, — но все должны будут в конце концов заметить. Не было бы только уж чересчур поздно — это «в конце концов».

СМЕРТЕЛЬНАЯ УГРОЗА И ВЫХОД В ПОЛИТИКУ

Первая и, так сказать, воспринимаемая с ходу причина к «выходу в политику», — это очевидные нелепости и несправедливости нашей политической

системы. Об этой причине нечего долго говорить, она всем понятна, однако, лишь очень немногих она может в наших условиях подвинуть на серьезную активность сама по себе. Есть, однако, и другая причина, гораздо более существенная, причина, которая превращает политику в дело каждого мыслящего человека. Это — угроза катастрофы, нависшая над всей нашей цивилизацией.

Нет ничего странного в том, что к этой угрозе тоже не относятся серьезно. Ведь отнестись к ней серьезно, это значит осознать огромную ответственность, лежащую на нас.

Речь идет не о неопределенных ощущениях и предсказаниях. Мы имеем дело с объективно регистрируемыми вещами, от которых нельзя отделяться надеждой, что «все как-нибудь образуется». То, что происходит сейчас, не имеет прецедентов в истории человечества. Никогда раньше в масштабах земного шара не нарушались так быстро условия биологического равновесия.

Широко известные количественные оценки загрязнения среды дают нам не более нескольких десятилетий, — и это еще, может быть, очень оптимистический прогноз. Страшно не то, что мы подошли к этому краю почти вплотную. Страшно то, что, даже узнав об этом, мы продолжаем идти в ту же сторону. Потому что при всей массе разговоров, для предотвращения биокатастрофы делается ничтожно мало по сравнению с необходимым. Ничто так не демонстрирует бесчеловечный, иррациональный характер нашей цивилизации, как этот факт.

Цифры известны, и все продолжает идти своим чередом: дипломатия, футбол, ракеты, национальные споры — все более важно, чем то единственное, что определяет самое наше существование.

Взаимоотношения со средой, — лишь одно из проявлений этого ужасного иррационализма. Труднее количественно оценить ту степень нервно-психологической деформации, которой подвергается сейчас человек, и те социальные напряжения, которые возникают в наших обществах и представляют, в связи с нашей техникой, не менее страшную угрозу.

Причиной этой нависшей опасности является то, что наша цивилизация находится во власти иррациональных и бесчеловечных сил, стихийных и бессмысленных. Для слабой цивилизации в этом была бы лишь угроза застоя и регресса. Для нас это уже почти неизбежность уничтожения. Другие цивилизации гибли и оставляли после себя развалины. Мы, погибая, разрушим, вероятно, всю высокоорганизованную жизнь на Земле. Мы слишком сильны, чтобы позволить себе такую иррациональность и не погибнуть.

Конечно, цивилизация содержит и разумные, гуманные силы, — иначе наше положение было бы просто безнадежным. Но они подавлены и не организованы, и не они определяют сейчас естественный ход событий.

Цивилизация должна быть немедленно рационализирована, — или она погибнет.

Спасение цивилизации и всей жизни, — это глобальная задача, которая может быть решена лишь в масштабе всего мира. Но положение настолько катастрофично, что на каждом лежит долг вложить нечто в это дело.

Практически для нас эта задача сводится к более узкой: рационализировать нашу собственную систему, ибо непосредственное интернациональное действие для нас, очевидно, невозможно. Но эта наша,

национального масштаба работа имела бы огромное мировое значение, — благодаря той важной роли, которую играет наша страна.

Но рационализация и гуманизация общественной системы есть дело по существу политическое.

Ибо политика есть ничто иное, как активность в отношении самых кардинальных общественных проблем, в отношении общественной системы как целого.

Активная попытка разумного и гуманного подхода ко всей системе в целом, к самым общим социальным вопросам страны, это и есть прогрессивная политическая деятельность.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ

Против этого логического вывода многие возражают; говорят о других путях.

На самом деле в наших условиях политика — единственный путь. Это объясняется особенностями нашей системы, которая в высшей степени обладает свойством тоталитарности, то есть — целостности, всеобщности. Она не допускает рационализации отдельных своих сторон. При малейшей попытке произвести частное улучшение, система тут же встает против вас вся и заставляет вас — пусть против вашей воли — рассматривать ее в целом и действовать по отношению к ней, как к целому.

Мы очень хорошо знаем это на опыте. Любое, сколько-нибудь значительное действие приобретает здесь политический характер. Мы видели, как на пять лет был осужден в качестве политического преступника человек, пытавшийся восстановить справедливость в конкретном судебном деле и сам действующий в строгом соответствии с законом. Мы

видели это и многое другое, а еще большего не видели, потому что, умея предвидеть, мы сначала подумаем, а потом ничего и не сделаем.

Кажется, даже человека, пытающегося организовать независимое и эффективное антиалкогольное общество, система превратит в политического врага.

Иногда политике противопоставляют самосовершенствование или воспитание, говорят, что миру надо помогать изменением не системы, а человека.

Против идеи самосовершенствования нечего, конечно, по существу возразить. Самосовершенствование есть действительно вещь хорошая, хорошая всюду и во все времена. Однако, можно ли противопоставлять его политике в наших условиях? В нашей ситуации самосовершенствование не соприкасается с политической сферой лишь до известного предела. Начиная с некоторого уровня, каждый реальный (а не иллюзорный) шаг по пути самосовершенствования будет приводить человека ко все большему противоречию с системой. Из этого противоречия есть лишь два последовательных выхода: изоляция, то есть прекращение активного развития и фактический нравственный регресс, или же сознательный выход в политику, к активным взаимоотношениям с системой в целом. Истинное самосовершенствование именно и приводит к политике.

Когда нравственное и духовное развитие противопоставляют политике, то имеют в виду именно изоляцию. Все мы, конечно, вынуждены в какой-то мере изолироваться, но нельзя ставить это в добродетель. Моральная гигиена в личной жизни — хорошая вещь, но ей не повернуть колесо истории. Нельзя сводить нравственность к такой, хотя и весьма полезной моральной гигиене. Человек, наученный обществом мыслить и в то же время могущий

в нашей ситуации сосредоточиться на личной жизни, чистой науке и чистом искусстве, на умных книгах и индивидуалистических религиозных исканиях, отгораживаясь от остального, — такой человек является нравственным калекой ничуть не в меньшей степени, чем бездушный карьерист или работяга алкоголик, дружинник и хулиган. Все мы покалечены системой, но надо выкарабкиваться.

Как невозможно аполитичное самосовершенствование, так невозможно и аполитичное воспитание. Бессмысленно морализаторство там, где система производит аморализм. Переделывать всех людей по одному, не трогая самого генератора уродства, — это пытаться руками остановить реку. Но если даже нам и удастся кого-нибудь «воспитать», то такой человек обречен на прежний выбор: он либо выйдет в политику, либо уйдет в изоляцию, либо сопьется, либо станет юродивым и фанатиком. Индивидуалистическое воспитание ничего не решает.

В нашей ситуации нет реальных путей, которые обходили бы политическую область. К этому факту лучше всего отнестись сознательно, это избавит нас от неожиданностей. Антиполитическое доктринерство в соединении с личным, нравственным героизмом, которое часто исповедуют люди активные, есть странный выход, чтобы не сказать больше. Есть нечто трагическое в человеке, которого система рассматривает как своего политического врага, но который, не отступая ни на шаг, все-таки искренно отрекается от политики и стремится ограничиться сферой чисто нравственной или чисто юридической. Как защитный, маскировочный прием такая позиция еще может быть предметом спора (хотя она и не дает действительного и общего выхода), но в качестве искренней она половинчата и лишена

смысла. Болтаться на самой границе политики и не переходить ее — это значит безо всякого резона дразнить гусей, точнее быков.

Столь же неосновательны те надежды на естественное развитие режима, которые высказывают иногда люди более пассивные. Система, конечно, развивается, и если бы наше время было неограничено, она, возможно, и нашла бы выход из тупика. Однако разрушительные факторы развиваются на деле гораздо быстрее. Скорости же развития системы поставлен ощутимый предел привилегиями и ограниченностью тех, кто ее олицетворяет. Там, где мы имеем дело с подобными привилегиями, там многое не уступается иначе, как под давлением политической силы. Ограниченность часто заставляет правящие классы скорее совершать самые саморазрушительные шаги, нежели делать маленькие уступки без абсолютной на то необходимости. Конкретное рассмотрение показывает, что даже если система и дойдет до понимания некоторых необходимых изменений, она сможет провести их только плохо. Возможности легального содействия прогрессивному движению системы просто ничтожны, ибо система пресекает все, что несогласно с ее духом.

С какой бы стороны мы ни подошли — с нравственной, юридической, экономической — мы увидим, что главное зло заключается в самых общих принципах нашей системы, в самой ее основе, и не может быть преодолено без ее коренной принципиальной переделки. И, поскольку такая переделка сталкивается с привилегиями власть имущих, она не может быть делом чистой науки и частных улучшений, она неизбежно становится вопросом, решаемым лишь политической борьбой. Рассуждая честно, нельзя избежать этого вывода.

МОЖНО ЛИ ЧТО-ТО СДЕЛАТЬ?

Однако, рассуждения, самые логичные, остаются рассуждениями, а жизнь остается жизнью. Рассуждения справедливы, но их трудно увязать с реальной обстановкой. Как бы мы ни доверяли логике и нравственному чувству, мы не сможем не ощутить некоторую как бы неуместность полученных выводов.

Эти ощущения имеют слишком реальную основу, чтобы ими можно было пренебречь. Мы уже говорили, что тоталитарная система отвечает на нарушение вся в целом, всей своей силой. Очевидным следствием этого является то, что результат индивидуального столкновения с системой явно будет равен нулю. Но и возможность противопоставить системе сколько-нибудь организованное противодействие, по-видимому, не является реальной, ибо система жестоко подавляет все попытки враждебной или независимой от нее коммуникации, причем для обнаруживания таких попыток она располагает весьма солидными средствами. Очевидность этого факта порождает парализующее всякую активность чувство бессилия перед Левиафаном.

Столько раз наше мыслящее общество уже наблюдало этот «выход в политику», неизменно кончавшийся «новыми адресами», что у него уже выработался защитный рефлекс против подобных призывов.

Этот рефлекс сейчас особенно усилился. После 1968 года наше общество переживает период реакции. Реакция — это не только определенная правительственная политика, это внутренний паралич прогрессивных сил. Ведь факт, что 1968 год вызвал некоторые надежды, хоть и не каждый признает

эти надежды у себя лично. И вот эти надежды, сознательные и бессознательные, не оправдались. Естественно, произошло снижение общественного тонуса. К сожалению, мы еще настолько автоматичны в своих акциях, в своей «духовности», что подобные процессы социальной физиологии часто оказывают определяющее влияние на наше мировоззрение. В своих интеллектуальных и нравственных позициях мы очень часто соглашаемся играть роль марионеток в подобных безличных социальных процессах. Политический фатализм и пессимизм, нравственный и религиозный индивидуализм — очевидные тому доказательства.

С противниками политики легко, слишком даже легко спорить, но их невозможно переубедить. В каком-то смысле реальность на их стороне. Даже за их нелепыми аргументами стоит жизненный факт: защитный рефлекс. Было бы несправедливо этот рефлекс оскорблять и презирать. В самые тяжелые годы этот рефлекс сохранил людей и элементарные моральные и культурные ценности. Когда забрезжили первые огни, он предохранил независимую часть общества в целом от преждевременных и безнадежных битв. За прошлое мы должны быть ему благодарны. Однако, реальные обстоятельства воплощаются в этом защитном рефлексе не в разумной человеческой форме, а в иррациональной. Поэтому должен был неизбежно наступить момент, — и мы думаем, что он как раз наступает, — когда он превратится из фактора положительного в отрицательный. Сейчас он уже тормозит пробуждение общества. Что было естественным раньше, стало неуместным сегодня. Дальнейшая пассивность мыслящих людей является самоубийственной.

Разумный человек должен откинуть этот защит-

ный рефлекс и сформулировать свои ощущения в рациональной форме. Можно сколько угодно доказывать нравственную необходимость политической деятельности, — но есть ли для нее реальные возможности в наших условиях? В этом вопросе вся суть. И все наши индивидуалистические нелепости есть лишь иррациональное выражение того, что мы таких возможностей не видим.

Рассмотрим же сначала этот вопрос в общей форме.

РОЛЬ ЛИЧНОСТЕЙ И ИДЕЙ В ОБЩЕСТВЕ

Человеческое общество состоит из людей, каждый из которых (по крайней мере, в бытовом смысле, и как бы ни решался метафизический вопрос о свободе воли) обладает свободой выбора и ответственностью. Реальные общественные процессы складываются в результате суммирования и взаимодействия независимых активностей отдельных индивидуумов, поступающих свободно или полусвободно. Это, как будто, открывает возможность чисто нравственного, морализаторского подхода к общественной жизни. Однако, самый факт, что число волей, определяющих поведение общества, очень велико, — а факт этот, естественно, приобрел особое значение в новое время, — самый этот факт должен существенно изменить наш подход к обществу. Чистое морализаторство, направленное на отдельного человека или небольшую группу, становится социально бесплодным. Даже если желаемый нравственный эффект достигнут, общество в целом не претерпевает существенных изменений. Весьма нравственная, но случайная активность одного человека или небольшой группы теряется в миллионах других

активностей и ее социальный результат оказывается равным нулю.

Значит ли это, что нравственная деятельность человека с точки зрения глобальных общественных проблем, то есть с политической точки зрения, всегда обречена на то, чтобы быть бесперспективной?

Это было бы так, если бы общество было абсолютно аморфным, однородным, если бы все люди всегда находились бы в нем в одинаковом положении: фактически, как мы знаем, это не так. Общество обладает некоторой структурой, в ней есть некоторые точки, любая, даже незначительная активность в которых имеет огромное последствие для общества в целом. Нельзя отрицать, что личная активность, скажем, Петра I, Ленина, Сталина или Хрущева имела большое значение для нашей страны. Конечно, в деятельности каждого из этих правителей были предопределенные историей моменты. Хрущев, например, не смог бы продолжать чисто сталинскую политику, — он пришел к власти на определенных условиях. Но уже разоблачение «культа Сталина» не входило в эти условия, — что хорошо видно из последовавшего бунта Политбюро, подавленного почти случайно, — и было персональным вкладом Хрущева, который ему даже проще было бы не делать. Трудно отрицать, что из этого персонального вклада выросли существенные последствия.

Личная активность Хрущева была, конечно, не больше, чем у очень многих и многих людей. Его деятельность напоминает действие человека нажимающего спусковой крючок. Прилагая небольшое личное усилие, он управляет высвобождением гигантской энергии, намного превышающей его собственные возможности.

Запомнив самый факт существования подобных

спусковых механизмов в обществе, отметим, что мы, в общем-то, еще не получили ответа на вопрос, который нами подразумевался. Приведенные примеры относятся, в сущности, к вопросу о роли правителей в истории. Вопрос этот, очевидно, должен решаться положительно, если только не отвергать факты во имя абстрактных схем. Но практически перед нами стоит совсем другая проблема: может ли мыслящий человек, пользуясь лишь своими человеческими силами и своей мыслительной способностью и не занимая высокого положения в иерархии, существенно повлиять на ход развития общества?

Здесь мы подходим к вопросу о социальной роли идей.

Идеи редко бывают прямым источником человеческой активности; активность *вытекает* из идеи лишь у этических идеалистов, у людей, строящих свою жизнь на нравственном основании, которых было, есть и в обозримом будущем будет ничтожное меньшинство. Действия большинства людей вызываются другими причинами. На первом месте здесь стоят, конечно, усиленно подчеркиваемые марксизмом материальные интересы, классовая психология, профессиональные склонности. В первом приближении их и можно считать источником человеческой деятельности, хотя для точности следовало бы прибавить еще и некоторые другие факторы, — такие как зависимость от обстоятельств, страх, консерватизм и т. д.

Результат действия этих не идейных факторов на небольшом отрезке времени сравнительно легко предсказуем, по крайней мере, в принципе. По существу, они имеют простой, механический характер. Из этого вытекает возможность естественно-научного, так сказать, изучения общественной жизни

ни. Если частные психологические моменты, имеющие такое значение для жизни каждого человека, у всех людей различны и при сложении дают, таким образом, для общества некоторую среднюю, практически постоянную, величину, сказываясь лишь на общей степени социально-психологического напряжения, то, например, материальные интересы — общи для огромных групп, классов, сословий, внутрисословных фракций, и поэтому ведут к ощутимым социальным процессам. Отсюда следует возможность своеобразной классовой механики, — возможность, продуктивно осознанная марксизмом.

Но если можно говорить о действии естественных, стихийных законов и тенденций в обществе, то это не значит, что идеологические факторы не играют никакой роли. Идея, правда, пока, при нынешней натуре человека, не может породить *существенной* (в масштабе общества) человеческой активности, которая была бы сравнима по своей силе со стихийными общественными процессами. Но идея, — если это подходящая идея, «та самая» идея, может оформить и канализировать уже наличную активность, направить естественный процесс в *несколько* различных направлений, что может привести к *весьма* различным результатам. Если самая, так сказать, энергия социальных явлений имеет другие, естественные источники, то их та или иная форма определяется наличными идеями, а это часто имеет решающее значение. Каждый реальный общественный процесс нуждается в некотором идейном выражении; это идейное выражение является для него, в то же время, и руководством, то есть во многом определяет его ход. Мы видим, что сходные, по существу, социальные процессы — «мэнеджерская революция» (то есть переход к централизован-

ному административному строю) — принимали в различных местах очень различные идейные выражения — большевизм, а затем сталинизм в России, фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, «Новый курс» Рузвельта в США, социал-демократия 30-40-х годов в Европе и т. д., и эти различия имели далеко идущие последствия. Само собой ясно, что далеко не каждая идея может оформить любой социальный процесс, а лишь более или менее подходящая, «созвучная» ему.

Из всего сказанного следуют весьма важные выводы по вопросу о нравственно-политическом действии. Конечно, даже очень нравственное, но случайное действие потонет в человеческом море, скажется на общем результате всего какой-нибудь миллионной долей. Но то нравственное действие, которое руководствуется «подходящей» идеей и выражает ее, может вызвать своеобразный «социальный резонанс», который увеличит тысячекратно его результаты. Что это значит? Предположим, идет естественный социальный процесс, не имеющий еще своего ясного идейного выражения или имеющий неудачное выражение. Та человеческая активность, которая выражает «созвучную» идею, может вызвать к себе массовое сочувствие и повести к лавинообразному распространению данной идеи в каких-либо социальных слоях, что в свою очередь в корне изменит течение самого естественного процесса. Такое явление «социального резонанса» многократно наблюдается в истории. Оно очень типично для переломных эпох, для реформаторских и революционных движений. Через несколько страниц мы встретимся с наиболее близким к нам примером такого «социального резонанса».

Итак, может ли мыслящий человек существенно

повлиять на судьбу общества? Очевидно, в некоторых условиях может. От мыслящих людей всегда существенно зависит более раннее или более позднее идейное оформление естественных социальных процессов, а также некоторые существенные черты такого оформления, — а это сказывается на более или менее благоприятном течении процессов. Если же не рассматривать отдельный социальный процесс изолированно, то ясно, что от мыслящих личностей зависит, порой, дойдет ли процесс до благополучного конца или, будучи неудачно или слишком поздно оформлен, попадет в неблагоприятное сравнительно положение, и другие, противоположные тенденции, развившись скорее, успеют его задавить.

Таким образом, помимо спусковых механизмов, которые можно было бы назвать тривиальными и которые предусматриваются официальными установившимися системами, общество имеет еще и «спусковые механизмы» другого типа, менее очевидные: это идейное оформление идущих социальных процессов. Пока это оформление не завершилось, пока механизм не «сработал», любой мыслящий человек имеет к нему доступ, любой мыслящий может повлиять на то, как это произойдет. Правда, это влияние осуществимо лишь в известных пределах и на известных условиях, которые, вообще говоря, требуют специального и конкретного рассмотрения, но сама ответственность мыслящих людей за пользование этими «спусковыми механизмами» несомненна, а отказ замечать этот факт, бездействие, в результате которого «выстрел» передоверяется стихийным, случайным силам, конечно, не освобождает от ответственности за его результаты.

НАЛИЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Применим все эти абстрактные рассуждения к той конкретной ситуации, в которой мы находимся.

Мы живем в индустриальном обществе, управляемом строго централизованной иерархией администраторов. Государство со своими филиалами, — партийным, хозяйственным, военным, репрессивным, так называемыми общественными организациями, — образует непрерывную лестницу, идущую ступенька за ступенькой, от Генсека до обычного человека — рабочего, колхозника, рядового, интеллигента и т. д. Все, что укладывается в эту иерархию подчинения, процветает и развивается. Все, что ей противоречит, — выборность Советов, выборность парторганов и съезда, — хиреет, превращается в фикцию и ширму. Сама иерархия при этом является настолько разветвленной, что межведомственные, в широком смысле, противоречия между различными ее секциями и веточками, являются совершенно рядовым явлением и приводят к массе конфликтов, потерь и несообразностей.

И вот этот централизованный госкапитализм вступил в научно-техническую, или иначе, вторую промышленную революцию, вступил в нее, подчиняясь своей имманентной, внутренне ему присущей цели — увеличению экономического и военного могущества. Интенсивно начала расти и внедряться наука. Интенсивно начали расти кадры высокой квалификации — интеллигенция. Большие усилия стали прилагаться для рационализации хозяйственной стороны общества. Однако, экономика не может быть отделена стеной от всех прочих областей. Скоро стало ясно, что производительность труда зависит от множества факторов: от состояния транс-

порта, от физиологического состояния человека, от способа принятия решений и даже от нравственной атмосферы в обществе. Встал вопрос о рационализации всей социальной жизни.

И тут сложилось противоречивое положение. Иерархическая система в лице своих высших представителей бесспорно хотела бы научной рационализации всей общественной жизни. Но фактически она сама, ее собственный основной принцип — всемогущество некомпетентной, неконтролируемой и не ответственной перед обществом иерархии, — является для такой рационализации главным препятствием. И этот факт она принять, конечно, не хочет. Система чувствует даже, — пусть с запозданием, пусть плохо, — что примерно необходимо. Она начинает вводить хозяйственную реформу, насаждать социологию, привлекать специалистов к решению всех проблем, беспокоиться о сохранении среды, даже укрепляет право. Но и вполне разумные свои начинания она проводит *по-своему*, так что из них выходит или очень мало или ничего.

Причина почти очевидна — неконтролируемое всевластие иерархии. Не отказавшись от этого принципа, иерархия не может избавиться, например, от некомпетентных решений, даже если она привлекает специалистов. Ибо наука в этих условиях отступает все-таки на второй план; ученый, не будучи независимым, в любом социально важном вопросе выступает не столько как ученый, сколько как звено иерархической системы и либо сам подпадает под ее влияние, либо подвергается давлению и принуждению, либо устраняется. В результате наука в политических, социально важных областях становится, как правило, ширмой, прикрывающей тот же административный волюнтаристски-бюрократиче-

ский способ решения. Так же обстоит дело и с другими начинаниями. Ассимилируя даже вполне разумные мероприятия, система делает их фиктивными, превращает в ширму. Выход мог бы быть только один: четко отграничить область, в которой административный аппарат может действовать эффективно, то есть исполнительство; принятие же общих решений, требующих научного рассмотрения, а также контроль и информацию доверить другим, совершенно независимым от него и друг от друга инструментам. Но такой выход угрожает привилегиям правящего класса и никак не может быть им добровольно принят.

Наши неприятности, переходящие в социальный кризис, идут отсюда. Иерархический аппарат, который в лице различных своих органов сам определяет свои цели, сам предписывает себе законы, сам все исполняет и сам же себя контролирует и судит, — этот аппарат явно оказывается не на уровне стоящих перед ним задач. Раньше было много скверного, но это определялось или злой волей, или глупостью конкретных людей. Сейчас все больше чувствуется иррациональность самодвижения системы. Система ставит себе цель, намечает разумные, казалось бы, пути к ней, и ничего не получается. Все больше идиотизма некому даже ставить в вину, кроме системы в целом, все яснее видно, что система или дает власть и права людям неспособным и недобросовестным, или — и тут ее дефекты наиболее выпуклы — заставляют вполне делных людей делать черт знает что. Система перестает быть контролируемой, становится неуправляемой даже для своих высших представителей.

Ясно, что такое положение вызывает реакцию.

Мы остановимся на двух особенно важных для нас социальных процессах.

Прежде всего, появляется относительно многочисленная либеральная интеллигенция. Занятие наукой и приобщение к высшей культуре вырабатывают определенный тип мышления, который не может просто испариться при входе в социально-политическую область. И с ростом значения науки и культуры растет и группа людей, обладающая таким типом мышления в чистом виде. Догматико-прагматическое авторитарное мышление административного класса вызывает у этой группы протест. Вызывает протест вся система, основанная на этом догматико-прагматическом авторитарном принципе. И прежде всего, естественными становятся упреки системе за информационные ограничения и идеологическую монополию.

Либеральная интеллигенция, таким образом, входит в сферу политики, ибо она начинает рассматривать всю систему в целом, ее основной принцип. Она, впрочем, входит в нее идеально, а не реально. Большинство ее реально вполне остается в рамках системы. Упреки же системе в целом делаются или мысленно, или в узком кругу, или же облачаются в совершенно иносказательную, эзоповскую форму. Большинство либеральной интеллигенции реально аполитично, и многие даже возводят аполитичность в свои нравственные принципы.

Для кризиса системы весьма характерно появление либералов-конконформистов. Их появление, как целого типа, связано с резким обострением в 1968 году того, что на марксистском языке можно назвать классовой борьбой между (научной прежде всего) интеллигенцией и административным классом.

Кампания 1968 года имела три причины: во-первых, многим казалось, что система находится в неустойчивом состоянии, главным образом из-за Чехословакии, явно приведшей к колебаниям и расколу в верхах. Во-вторых, недовольство либералов после политических процессов резко усилилось. Но главной была третья причина, реализовавшая первые две. Это «социальный резонанс», вызванный активностью относительно небольшого числа людей. Эти люди, мужественно переборов инерцию молчания и пассивности, выступили достаточно громко и энергично и положили начало цепной реакции в либеральных кругах, и идея интеллектуальной свободы и соблюдения законов оказалась очень созвучна с представлением либеральной интеллигенции, а их метод личного гражданского протеста также соответствовал ее стихийным настроениям. От толчка этих нескольких людей начался лавинообразный поток протестов, когда возбуждение и выступления росли рука об руку, усиливая и подгоняя друг друга.

Здесь мы видим воочию роль личности в обществе. Хотя события 1968 года не перехлестнули «порога стойкости» системы и были ею задавлены, тем не менее нельзя отрицать, что они имели большое значение. И если бы те несколько человек, которые стояли у их источника, не решились бы выступить или выступили бы по-другому, или их было бы больше или меньше, — то, кто знает, какими были бы наши воспоминания о 1968 году?

Можно, кажется, считать, что именно с тех пор возник тип либерала-нонконформиста. Либерал-нонконформист вовсе не обязательно политик, часто он даже антиполитический доктринер. Его отличает то, что дойдя до самой границы политической не-

благонадежности, он не отступает, но твердо идет вперед, ссылаясь на свою гражданскую честность, научную добросовестность или даже коммунистическую идейность. У либералов пассивных он вызывает восхищенное сочувствие, смешанное в некоторых пропорциях с презрительной жалостью и с опаской. Либералы-нонконформисты несомненно выражают задушевные мечты и чаяния всего либерального братства, но их активность не кажется большинству реалистичной. И этот последний момент может (особенно в обстановке реакции) довести взаимоотношения пассивного либерала с нонконформистом до антагонизма (обвинение в провокации).

Таким образом первый социальный процесс, с которым мы сталкиваемся, это обострение классовой борьбы между интеллигенцией и административным классом, обострение объективно выражающееся в появлении либералов-нонконформистов (каковы бы ни были их собственные доктринерские предубеждения). Но либеральная реакция на общественный кризис свойственна лишь интеллигенции, а в наиболее чистой и интенсивной форме лишь некоторому ее слою. Достоинство и необходимость интеллектуально-информационной свободы более всего способна оценить научная и творческая интеллигенция. Однако, поскольку любой интеллигент является не только интеллигентом, но и жителем, работником, покупателем, пассажиром, семьянином, больным, и т. д., то даже и в этих группах либерализм далеко не у всех становится основной реакцией.

Реакция среднего человека, обывателя вообще, не может быть четко подведена под какой-нибудь один определенный знаменатель. Некоторых больше всего раздражают очереди в магазинах, других — забытый транспорт, третьих состояние медицинского об-

служивания («невнимание врачей»), четвертых — положение женщин и т. д. Часто это раздражение так и остается локализованным одной стороной социальной жизни, не распространяясь на всю систему. В среднем раздражение неудовлетворительными явлениями растет, даже если сами явления несколько улучшаются. Все мы слышали недалеких моралистов: зажрались, мол, люди, раньше-то пожили бы, а все недовольны и т. д. При всей частичной правде, которая может быть в таких нравоучениях, в них упускается главное. Тяжелая жизнь в войну или после нее физически подавляет, но не раздражает: она понятна. Раздражают неполадки, когда видишь, сколько летит на ветер из-за одного идиотизма порядков, — а мы видим это ежедневно. Потребности большинства бессознательно подтягиваются до объективных возможностей общества, но реализация этих возможностей тормозится отжившей системой. Таким образом, раздражение и недовольство есть просто психологическое следствие отвлеченной формулы кризиса, которая по-марксистски звучит так: несоответствие производственных отношений к производительным силам. В принципе это недовольство есть здоровая реакция человека на кризис, бессознательное требование рационализировать иррациональную систему.

Итак, второй социальный процесс, имеющий для нас значение, можно кратко выразить словами: создание атмосферы рассеянного недовольства.

Мы привыкли недооценивать значение этих обоих процессов. Мы видим повседневное всесилие системы и героизм одиночек; и брюзжание в очередях кажется нам чем-то поверхностным, несущественным, чем-то таким, что в принципе не может иметь последствий. Такая всеобщая недооценка объясня-

ется свойствами тоталитарной системы. Мы уже говорили, что тоталитарная система отвечает на любую попытку нарушения вся в целом, всей своей силой. В результате ее постепенное изменение каким-нибудь внешним по отношению к ее принципу, неассимилированным фактором практически невозможно. Оно невозможно до тех пор, пока сила этого фактора не достигнет некоторой величины, равной «порогу стойкости» самой системы. В результате допороговое действие любого изменяющего фактора остается потенциальным, внешне оно кажется нулевым. Зато достигши этого порогового уровня, вследствие накопления факторов, или из-за временного ослабления самой системы, действие этого изменяющегося фактора способно дать неожиданный, и казалось бы, непропорциональный эффект.

Яркую иллюстрацию этого дает Россия 1917 года. Императорская Россия была тоталитарной системой, менее тоталитарной, чем теперешняя, но все-таки тоталитарной. В ней действовали центробежные силы, разрушительные силы недовольства и конфликта. Но результат их оказался нулевым. На пороге Февральской революции Россия производит впечатление внутренне стабильного монолита. И вдруг — полное крушение. Конечно, здесь сыграла роль война, снизившая «порог стойкости». Но самый факт внезапности очень характерен.

Поэтому недооценка значения упомянутых двух процессов является величайшей ошибкой. Ими определяется наше будущее, и притом ближайшее.

Здоровая в своей сущности реакция недовольства принимает зачастую деструктивные и крайне опасные формы. Рассеянное недовольство становится само стихийной иррациональной силой, вызывающей эрозию системы и усугубляющей кризис.

Сама система препятствует здоровому и разумному выражению недовольства. Если бы оно выражалось непосредственно, то социальная притеска, контакты и споры скоро придали бы ему более или менее рациональную форму. Этот путь, однако, запрещен системой, которая предпочитает загонять болезнь внутрь. Болезнь при этом развивается, внешне не проявляясь ни в чем почти существенном. Но она порождает центробежные силы еще более опасные, чем дефекты самой системы.

Прежде всего, эта атмосфера рассеянного недовольства еще более снижает «порог стойкости» системы, понижая еще более ее эффективность. Многие сейчас отмечают, что люди не склонны интенсивно работать. Система разрушается прямо на глазах, причем эрозия затрагивает даже репрессивные органы и высший аппарат.

Однако существуют и гораздо более серьезные последствия, чем одна лишь трудовая и гражданская апатия. Система воспрещает активное проявление недовольства, но по мере нарастания его напор к такому проявлению будет непрерывно расти. Поскольку без существенных реформ порог стойкости системы будет непрерывно понижаться, атмосфера все более насыщаться раздражением, наступит момент, — это будет момент какого-нибудь случайного и временного ослабления системы, момент внезапного и резкого обострения ее трудностей, — наступит момент, когда недовольство целиком и в полной мере выйдет наружу. Караганда, Новочеркасск, забастовки есть единичные, случайно прорвавшиеся предвестники этого события. Нечто похожее на него произошло в Польше, но там даже полное проявление польского недовольства не смогло сломить порога стойкости Советского Союза. Когда дойдет оче-

редь до нас, нашей системе, однако, уже не поможет страх перед внешними силами какого-нибудь «большого опекуна», — это будет ее концом. Можно лишь молить Бога и, как мы сейчас увидим, также работать, чтобы все это произошло как можно спокойнее, с как можно меньшими жертвами и разрушениями. Но так или иначе, если система не будет в корне реформирована, это произойдет, и произойдет на самом деле очень скоро, ибо в ряде отношений мы подошли к самому пределу.

И вот, когда это недовольство, это раздражение внезапно проявится, оно потребует, конечно, из второй формы, некоторых, хоть самых примитивных лозунгов. И дальнейшая наша судьба будет зависеть от тех идей, вокруг которых оно будет консолидироваться, от тех решений, которые окажутся для него притягательными. Эти идеи и решения готовятся обществом сейчас.

Что же мы имеем в наличии?

Из всех оппозиционных платформ — либеральная, безусловно, имеет в себе самое существенное рациональное зерно. Либерализация в чистом виде не является удовлетворительным решением, но она, по крайней мере, выражает довольно существенную сторону такого решения. Поэтому либеральное движение объективно является прогрессивным. Однако оно является чисто сословным движением. Либеральная позиция способна, в известной мере, аккумулировать рассеянное недовольство интеллигентской элиты, но выйти за ее пределы, вызвать общенациональный резонанс она не может (по крайней мере у нас).

Но другие наличные платформы просто представляют страшную опасность. Не подлежит сомнению, что сталинизм, антисемитизм, всякого рода нацио-

налистические и авторитарно-фашистские тенденции являются очень часто воплощением подавляемой оппозиционности, выражением недовольства системой и неудачным рецептом ее улучшения. Рецепты эти столь неудачны, что они, конечно, гораздо хуже самой системы, однако, они обладают некоторой социально-притягательной силой. Можно опасаться, что в условиях наступившего (после дискредитации сначала религии, а затем и казенной идеологии) идеологического вакуума, именно эти, черносотенные по существу, программы, дадут форму требующему воплощения недовольству. Можно опасаться, что когда практически встанут вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», общим, спонтанным ответом на них для больших групп может оказаться: «Бей жидов, коммунистов и профессоров!» Пример развития событий близкого к этому мы видим в Китае, где такой черносотенный всплеск был спровоцирован и использован экстремистским крылом руководства. Можно надеяться, что наши правители будут более бдительными и не допустят подобного провоцирования сверху, которое стоило бы головы большинству из них. Но вероятность неспровоцированного всплеска все равно, конечно, остается.

Мы, впрочем, вовсе не предсказываем с уверенностью такого крайнего развития событий, которое будет иметь место лишь в случае стечения всяких неблагоприятных обстоятельств и раскола в верхах. Вообще, точные предсказания в этом отношении не представляются возможными. Очень может быть, что дело ограничится серьезной волной забастовок, которые будут успешно подавляться, но, тем не менее, поведут к серьезному изменению системы; возможно, наконец, эти события примут такую форму, которая сейчас даже не может придти нам в голову.

Существенно, однако, — и за это можно почти поручиться, — что если система не перестроится, совсем недалеко то время, когда рассеянное и подавленное недовольство примет определенные формы и превратится, на время, в один из определяющих факторов, и очень важно, какую именно форму оно примет, и как именно определит дальнейшее развитие. При стихийном течении его влияние скорее всего окажется деструктивным, разрушительным и может завести нас в новые тупики. Существует, однако, возможность усилить его позитивные и ослабить негативные стороны, но это требует предварительной озабоченности и подготовки соответствующих форм, идей и лозунгов, которые могли бы оттянуть хоть часть вырвавшейся активности из разрушительного русла в позитивное.

Какие выводы можно сделать из всего сказанного?

Прежде всего, что выход в политику есть для мыслящих дело первейшей срочности, ибо катастрофа угрожает нам скоро, очень скоро, скорее, вероятно, чем мировая катастрофа из-за среды.

Другой вывод заключается в том, что то, в чем мы нуждаемся, это создание прогрессивной платформы, которая могла бы в критический момент стать общенациональной. В создание такой платформы каждый человек может внести свой вклад.

И положение настолько находится на «острие ножа», что вклад каждого отдельного человека, как бы ни был он мал, может оказаться решающим.

ПРОГРЕССИВНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Поскольку прогрессивная платформа должна давать некоторый действительный выход из нашей

ситуации, она должна иметь более или менее прочный теоретический фундамент. Речь не идет о каких-нибудь сложных построениях, но просто о некоторой системе элементарных представлений об обществе, на которую можно было бы положиться. Здесь нужны некоторые уточнения.

Казенный марксизм, выродившийся в шаманство, явно не подходит для такой цели.

Но для нее не подходит и то, что сейчас именуется социологией. Западная социология (под либеральным флагом проникающая постепенно и в наши бастионы и сейчас уже отчасти ассимилированная системой) производит странное впечатление. Все эти социологии малых групп, социологии городов и взаимоотношений матери и ребенка, перемежаемые бессодержательными дефинициями священного и светского и т. д. и т. п. — все это мало подходит для нашей цели. На 60% здесь просто шаманство, наукообразное шаманство, хотя и отличное от казенных отечественных образцов, на 40% дельные, и вполне научные достижения, но частного характера, которые никак не могут послужить теоретической базой политической платформы.

В таком же положении находятся и экономические науки. Непосредственный экономический и социологический анализ ситуации с прогрессивных и научных позиций был бы, вероятно, полезен, но на самом деле частные его результаты не следует политизировать. Наши частные трудности носят вторичный, производный характер и определяются некоторыми основными факторами, некоторыми главными принципами саморегуляции общественной системы. Понимание таких факторов и принципов и есть, что нам требуется.

С нашей точки зрения роль искомой теоретиче-

ской базы может сыграть лишь то, что мы условно назовем «содержательной большой социологией». Она представлена в прошлом веке основателями марксизма, первыми позитивистами, некоторыми идеологами народничества; в XX веке — опять же некоторыми марксистами, отдельными социологами и мыслителями, вроде Бернхема³ и Джиласа⁴ (оба, кстати, вышли из марксизма) и авторами теории индустриального общества. Для этого направления характерен подход к обществу как к саморегулирующейся системе, причем за основные факторы, определяющие ее функционирование, принимается материальное производство и необходимость физического сохранения системы.

В содержательной большой социологии есть некоторые существенные пробелы, и не всюду реальные достижения легко отделять от ошибок. Заполнение этих пробелов и критический пересмотр всех положений имели бы большое значение не только для нашего общества, но и для всего мира. Однако, уже наличные ее результаты (прежде всего, теория индустриального общества) могли бы послужить фундаментом для эффективной, прогрессивной платформы. По крайней мере, отказ от выработки подобной платформы впредь до каких-либо солидных исследований был бы очень странным.

Прогрессивная альтернатива должна удовлетворять некоторым требованиям, чтобы иметь шансы на успех.

³ Джеймс Бернхэм, «Грядущее поражение коммунизма», издательство «Посев», 1951, и «Революция директоров», издательство «Посев», 1954. — Р е д.

⁴ Милован Джилас, «Новый класс», издательство Ф. Прегер, Нью-Йорк, 1961. — Р е д.

1. Прежде всего, она не должна быть расплывчатой, она должна быть достаточно определенной. Это, фактически, предполагает ее формулировки в виде некоторой программы, состоящей из нескольких пунктов.

2. Программа должна включать основной пункт, описывающий, как должен изменяться главный принцип системы, ее способ саморегуляции, экономической, социальной и политической.

3. Она должна включать пункты, вызывающие непосредственную заинтересованность различных слоев и воплощающие основные человеческие претензии к системе, а также пункты, касающиеся внешней политики и среды.

4. Наконец, программа должна быть в высшей степени понятна, а ее преимущества должны легко объясняться на самом элементарном уровне. В сущности, она должна включать лишь положения почти очевидные, по отдельности осознанные многими и, во всяком случае, многими неясно ощущаемые.

Из этих требований возможная прогрессивная программа определяется почти однозначно.

Основной бедой нашей системы является монопольная власть централизованного административного аппарата. Поэтому необходимо ограничить эту власть. Однако, ограничение ее на основе равновесия сил, на основе «плюрализма» не обладало бы устойчивостью и через саму по себе не очень желательную конкуренцию повело бы к установлению новой монополии. Более того, административная централизация в исполнительной области представ-

ляется для современных условий почти необходимой. Очевидно, решение лежит не в равновесии и «игре» сил, а в разделении сфер действия сил, иначе говоря — в принципе разделения властей. Административный аппарат, конечно, желательно было бы улучшить, но самый принцип централизма представляется в исполнительной области единственно разумным. Зато принятие общих принципов функционирования аппарата и его ограничений, определение структуры политических и экономических органов, — все это требует научного обоснования и потому может быть доверено лишь достаточно компетентному институту экспертов, причем он должен быть совершенно независим в своей сфере. Наконец, общий контроль, во избежание злоупотреблений и образования привилегированных влиятельных групп, а также доступ ко всей государственной информации и право ее публикации должны быть переданы представительному демократическому органу. Детали подобного устройства, конечно, могут обсуждаться, но общий принцип нового разделения властей очевиден: *компетентность решений, централизм исполнения, демократия контроля и информации.*

Также очевидны требования прямых преобразований и перемен. Почти все чувствуют, что человек сейчас превращается в винтик, что он приносится в жертву фиктивным производственным целям; необходимо *переключение общественных усилий с производственных на человеческие ценности, гуманизация системы.* Многие видят, что реально и несмотря на искусственные понукания сверху, развитие производительных сил тормозится тем, что система не создает заинтересованности; необходима *настоящая хозяйственная реформа.* Многие видят, что система создает привилегированную и влиятельную

элиту в противоречие элементарному принципу социальной справедливости; необходимо экономически обоснованное сокращение разрыва в доходах и, прежде всего, сведение доходов правящих групп до сравнимых со средним общественным. Точно также видна необходимость в либерализации судебной гласности и производственной демократии. В внешней политике упор должен делаться на прекращение авантюрных и бесполезных трат (Ближний Восток, Восточная Европа) и стремление договориться.

Подобная программа была бы наилучшей в наших условиях.

ПАРТИЯ ПРОГРЕССИВНОЙ И ПОЗИТИВНОЙ ПЛАТФОРМЫ

Как уже сказано, прогрессивная платформа жизненно необходима. Она необходима, чтобы показать нам выход и хотя бы частично оформить растущее недовольство, став его центром притяжения и консолидации. Однако, для того, чтобы это произошло, эта платформа должна стать постоянным фактором общественной жизни. Она не сможет им стать, оставаясь явлением чисто идеальным, оставаясь всего в нескольких головах. Очевидно, что даже для того, чтобы нажать на спусковой крючок, необходимо некоторое минимальное усилие, до которого спусковой механизм не сработает. Прогрессивная платформа должна иметь в обществе некоторый достаточный материальный проводник, то есть достаточную группу людей, которые бы эту платформу распространяли и защищали. Иначе говоря, необходима прогрессивная партия.

Заранее ясно, что эта партия не может быть цен-

трализованной организацией и не может иметь формальное членство. Большая оппозиционная группа, в которой существуют списки, или в которой некоторые люди знают большинство ее членов, практически обречена в наших условиях. Единственный возможный вариант — это небольшие активные группы, действующие в невраждебной среде и соединенные, самое большое, цепочками сочувствующих. То, что придавало бы этим группам единство, то, что делало бы их партией — это их политическая платформа.

Против этой идеи прогрессивной партии выдвигается несколько возражений.

Прежде всего, говорят, что это вовсе и не партия. С терминологической точки зрения это возражение неверно. Точным является именно употребление слова партия, в смысле любой программно-определившейся стороны в политической борьбе, хотя мы привыкли употреблять это слово лишь в отношении к иерархической КПСС и современным партиям Запада (которые, впрочем, кажется, все-таки не все централизованы).

Другое возражение прямо противоположно. Говорят, что призыв к образованию партии усилит принцип партийности, который является главным злом.

Это ошибка. Принцип партийности вовсе не является главным злом. Злом является принцип тотальной, всеобщей партийности, распространение партийности на все мировоззрение и всю жизнь. Политическая партийность есть просто неизбежное следствие политической борьбы. Сейчас есть реакционеры и есть либералы, — бессмысленно это отрицать: это и есть партийность. Партийность, как принцип, проникающий всю жизнь и все мировоз-

зрение, конечно, должен быть отброшен. Но партия, как частный, чисто политический и временный инструмент, остается неизбежной, пока идет политическая борьба, которую невозможно отрицать. Полное отбрасывание этого инструмента лишь обличает негативный догматизм, оно «на вчерашнем основано духе». Истина заключается не в тотальном утверждении партийности и не в ее тотальном отрицании, но просто в том, что все вещи и слова должны употребляться по назначению. Партия есть частный и временный инструмент политической борьбы, — и только.

Еще говорят, что слово «партия» вызовет серьезную реакцию властей и отпугнет сочувствующих. Серьезную реакцию властей вызовет, конечно, любое серьезное дело. Как только мы кончим играть в игрушки, как только появятся какие-то реальные пути и шансы, власти, конечно, отнесутся к этому серьезно. Это прискорбно, но это факт. И этот факт, конечно, не причина для того, чтобы вечно стоять на четвереньках. Что же касается отпугивания, то тут есть и другая сторона. Слово «партия» все-таки внушает некоторое уважение. Не только власти, но и потенциальные друзья настроятся на серьезный лад. Слово «партия» указывает на наличие другого варианта, альтернативы, притом вполне определенной. Мы можем только повторить, что психологически: *где есть две партии, там есть два выхода.*

Мы, впрочем, совсем не держимся за слово «партия», а тем более за специальное название для этой партии. Пусть то, о чем мы говорим, осуществится под любым названием. Пока мы не видим определенных возможностей в этом смысле, мы для ясности все-таки будем говорить о партии — это больше соответствует смыслу.

Но, конечно, эта партия, если бы она возникла, существенно отличалась бы от современных западных партий (КПСС в точном смысле слова вообще не партия; в данный момент это идеологическо-бюрократический аппарат государства, одна из его ветвей). Главное отличие состояло бы не в отсутствии организации; невозможность центра — это случайное следствие наших несчастливых условий. Главное отличие было бы то, что вопрос об организации вообще стоял бы для этой партии на втором плане, занимал бы подчиненное положение. Основным делом этой партии было бы — добиться конкретной и радикальной перестройки государственного механизма. И поскольку результатом такой перестройки могло бы быть лишь упразднение всякой исключительной личной и групповой привилегированной власти, предельная рационализация и гуманизация общества, — идея завоевания власти не была бы для такой партии существенной.

Появившись, такая партия ставила бы своей целью распространение в обществе некоторых идей, некоторых представлений о позитивном выходе. Она вовсе не занималась бы «разжиганием недовольства», «подрывной работой», «расшатыванием» и т. д., как некоторые себе представляют возможную деятельность оппозиционной партии. Вообще это абсурдное представление, будто какая-нибудь агитация такого рода может ускорить разложение и развал, повести к беспорядку и т. д. Рост недовольства, дезорганизация общества — естественные процессы, и ускорить их можно лишь сверху, с помощью неразумной правительственной политики. Оппозиционная же партия может только одно: вводить уже наличное недовольство в какие-нибудь более или менее позитивные каналы, переводить его со случай-

ных объектов (евреев, продавцов, будто бы разво-
ровавших страну, приезжих, из-за которых будто
бы пусты магазины и т. д.) на подлинные причины
зла и тем способствовать конструктивному преобра-
зованию системы.

Основным делом такой партии было бы: разработ-
ка уравновешенной политической концепции, про-
свещение, пропаганда, агитация. В этом основном
деле нашлось бы место для разных людей, от жаж-
дущих самопожертвования до слегка сочувствую-
щих и готовых лишь на небольшой риск.

Если бы такая партия достигла большого влияния,
если бы она завоевала на свою сторону хотя бы боль-
шую часть интеллигенции (не в смысле активного
участия, а в смысле сочувствия) — такое достиже-
ние маловероятно, но в принципе — возможно — то
ей бы удалось, быть может, употребить свое влияние
на предотвращение катастрофы, давя на правитель-
ство, способствуя сближению и взаимопониманию
различных слоев. Быть может, ощущая приближе-
ние кризиса, правительство отчасти прислушалось
бы к ней (как к осязаемой силе) и провело хотя бы
часть ее идей сверху; а ведь важно не кто победил,
а что победило.

Но если бы даже этого не произошло, если бы эта
партия осталась небольшой группой, если бы только
ей удалось достигнуть хоть того, что она стала бы
стабильным фактором, что ее постоянные потери
хотя бы уравновешивались ее столь же постоянны-
ми приобретениями, — то и тогда от нее могла бы
быть большая польза. В критической ситуации, ко-
торая несомненно близка, и альтернативой которой
может быть лишь радикальное преобразование сис-
темы, в этой критической ситуации такая партия
смогла бы сыграть важную роль, т. к. в такой ситуа-

ции оказывает влияние любая группа, стоящая на определенной и хоть сколько-нибудь реалистической (не сословной) позиции.

ПЕРСПЕКТИВЫ И НРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Возможно ли, однако, появление такой партии?

До сих пор мы говорили об одном из рассмотренных нами социальных процессов — о росте рассеянного недовольства. Теперь вспомним о другом, о классовой борьбе интеллигенции с административной бюрократией, борьбе, проявляющейся в либеральном движении. Именно либеральное движение или часть его могли бы послужить основой такой партии.

Почему только в среде либеральной интеллигенции может возникнуть такая партия, довольно понятно. Если исключить религиозные круги, никакой слой в нашем обществе не пропитан так неофициальными коммуникациями, как либеральная интеллигенция. Эта группа уже пользуется, де-факто, некоторой свободой печати, хотя и в весьма ограниченной мере и постоянно уплачивая за это дань людям. Эта группа психологически и по своему образованию наиболее подготовлена к таким идеям.

Конечно, эта идея будет пробивать себе дорогу. Мы слышали о нескольких — за последние 15 лет — неудачных и весьма прискорбных попытках организовать политические тайные общества. Об этих попытках можно пожалеть, ибо они базировались на совершенно нереальной основе; мысль была — составлять подпольную организацию. Помнится, в иных случаях даже писались списки членов. Разумеется, на такой основе не могло ничего выйти,

кроме невольной провокации. Но как симптом эти попытки дают надежду. Они показывают, что все-таки существует в мыслящей части общества здоровая тяга к какому-то реальному выходу и реальной деятельности, а не только к чисто нравственному протесту и обличению.

Идея эта, таким образом, подспудно где-то живет в сознании либеральной интеллигенции. Время будет идти, классовый антагонизм — усиливаться, и придет наконец момент, когда здоровые, живые силы в либеральной интеллигенции ясно увидят, что в этой идее — единственный выход, и обратятся к ней, предоставив мертвецам хоронить своих мертвецов. Тот бесспорный факт, что *другого пути нет*, толкнет, конечно, в эту сторону всякого живого человека, как только иллюзии будут изжиты.

Весьма не безразлично, впрочем, когда и как это произойдет, весьма важно, скоро ли образуется прогрессивная партия, какова будет ее программа и какой силой она будет располагать? Вот почему каждый, эту идею осознавший, должен способствовать быстрейшему и лучшему ее осуществлению.

Человеку это понявшему и пытающемуся что-то делать должно, конечно, облегчать работу сознание, что он лишь помогает естественному ходу событий, что в каком-то смысле реально-социальные силы работают вместе с ним. Но не следует ему закрывать глаза на то, что существуют и другие силы, которые этому противостоят.

Либеральная интеллигенция является прогрессивной группой, временами и местами она вплотную подходит к идее прогрессивной альтернативы и прогрессивной партии. Но, хотя она и подходит вплотную, переступить эту черту ей очень трудно. Здесь два основных препятствия: защитный рефлекс и

сословная ограниченность. Эти два препятствия помогают одно другому и так тесно сплетаются, что их, в их замаскированной форме, невозможно даже различить. Трудно понять, чего больше в индивидуалистической, чисто нравственной или религиозной философии: самозащиты или сословной ограниченности. Сегодняшняя обстановка реакции, конечно, еще больше усиливает их действие. А время, между тем, не ждет.

Очевидно, что многим либералам идея прогрессивной альтернативы, как она изложена выше, в данный момент совершенно чужда. Предлоги и объяснения могут быть разные, но факт тот, что очень многие эту идею не примут. Снобы и скептики будут пожимать плечами; нравственные и научные доктринеры будут требовать нравственной чистоты или полного и строго научного обоснования; люди осторожные будут говорить о том, что будут спровоцированы репрессии (кстати, соображение, которое стоило бы учесть, если бы только предлагался другой выход; так же очевидно, что лучше рискованный выход, нежели полная безвыходность); шаманы различных мастей будут сетовать, что в этой идее отсутствует «новое слово», какая-то мифическая вещь, которая, появившись, должна устроить так, что наша работа вдруг окажется сделанной или, хотя бы, уменьшится раз в двадцать; будут и совсем нелепые аргументы. Так или иначе при первом рассмотрении очень многие откажутся эту идею принять. Что еще хуже: люди умные и хорошие могут бросить против нас весь свой нравственный авторитет, коль скоро эта идея перед ними встанет. Трудно оценить удельный вес подобных реакций, но что они неизбежны, это очевидно.

Следовательно, человеку, понявшему все это, не

остается все-таки ничего другого, кроме как спорить, убеждать, аргументировать, проповедовать, пропагандировать, подавать пример и т. д. Чем больше перед нами работы, тем больше причин энергично работать, коль скоро известно, что выход один. И тем не менее, приходится тут отдать должное современной чисто нравственной философии, признать в одном пункте ее правоту. Если возможно в нашем обществе какое-то позитивное движение, то лишь параллельное с некоторым нравственным переворотом. Без нравственного переворота мы не сдвинемся с места. Нам необходима нравственная революция.

Говоря о нравственной революции, мы вовсе не подразумеваем, что все должны превратиться в героев, должны давать миру больше, чем дают сейчас. Отнюдь нет. Даже с чисто политической точки зрения это было бы самоубийственно. Никакое движение не может состоять из одних героев. Движению не менее нужны сочувствующие и готовые лишь на малый риск. Герои могут быть быстро выбиты, но если искра продолжает тлеть в сочувствующих, то новые герои разожгут огонь. С политической точки зрения нужны и герои, и сочувствующие всех степеней. С человеческой же точки зрения никого (мы имеем в виду людей неплохих) нельзя понуждать давать больше, чем он сам себе положит. Невозможно оценивать чужие условия. Что больше с внутренней стороны: небольшое, и все-таки рискованное содействие немолодого семьянина, или же полная самоотдача молодого человека, для которого это отчасти способ самоутверждения? Здесь только Бог рассудит.

Говоря о нравственной революции, мы поэтому вовсе не имеем в виду увеличение самостоятельно-

сти, хотя и не может быть сомнений в ее нравственной ценности. Мы подразумеваем другое — некоторую революцию сознания, переоценку ценностей, которую должны произвести люди мыслящие. К действительному самосовершенствованию бесполезно призывать, это не вопрос призывов. Но избавление от *иллюзий сознания* — это проповедовать можно и должно. Ибо только через такое избавление может проявиться наш настоящий нравственный уровень.

Мы должны сознавать, где кончается наш эгоизм, наша самозащита, наша ограниченность, и где начинается наша нравственность.

Речь идет о явлении нравственного индивидуализма.

Нравственный индивидуалист не хочет иметь дела с политикой. Почему? Потому что от нее бывает только зло. Возразите ему: современное человечество не может жить без политического механизма, следовательно, кто-то им должен заниматься, и нельзя его запускать и доверять людям непонимающим или недобросовестным и т. д. Он не слушает, ему все равно, что вы говорите. Он составил себе мнение, и не логике его изменить. Хуже всего то, что он не постыдится в этом признаться, не стыдится сказать: «Я такой человек, меня к этому привело внутреннее развитие, и аргументы мне безразличны».

Или еще: индивидуалист скажет вам, что политическая оппозиция безнадежна. Казалось бы, ясно: надо при таких воззрениях, и ощущая (а он часто это ощущает) катастрофичность положения, вступать в партию, верой и правдой служить системе, укрепляя ее и улучшая, где только возможно. Ан нет, не тут-то было! Пусть все летит в тартарары, но к людям, вступающим в партию, он испытывает

презрение. И туда нельзя, и сюда нельзя. Нельзя укреплять систему, нельзя ее реформировать, зато можно «просто жить» и пускать слюнные пузыри от возмущения несправедливыми порядками.

И не подумайте, что он трус. По пустякам он может вести себя прямо-таки вызывающе. Предложите ему быть осторожным, он может раскипаться, или, может быть, с самодовольством скажет, что не боится и не намерен отказываться от личной свободы. За детский вызов, за пионерскую честность, за свободные привычки он, может быть, сядет, но за дело — нет.

И так всюду до бесконечности. Какое-то странное недоразвитие, а точнее извращение нравственного сознания переворачивает для него все ценности. Это извращенное сознание тем опасней, что оно действует на людей мыслящих и, в общем-то, хороших. Оно тем опаснее, что оно, конечно, кое в чем задает тон. Он тем опаснее, что его распространению очень помогает реакция. Реакция и нравственный авторитет людей мыслящих и хороших, соединившихся для одного дела: притупления нравственного сознания общества, — это ли не страшно? И если уж сводить все наши беды не к системе, а к нравственному несовершенству, — то не здесь ли корень этих бед?

Обличья этой болезни многообразны, но суть ее ясна. Наше положение слишком просто, чтобы его можно было не понимать. Мы находимся в тяжелой ситуации, но еще не обречены. Перед нами большая работа, ее надо сделать. Шансы на успех трудно оценить, но ясно, что они реальны и зависят отчасти от наших усилий. Видя все это, любой мыслящий человек почувствует свою ответственность. Может быть, он отдаст все, может быть, он сделает кое-что, но он будет видеть, «что есть что» и сознавать,

что ответственность лежит на нем; ибо ответственность всегда лежит на человеке видящем и понимающем.

Однако же можно и увернуться от этого неудобного сознания. Можно и отказаться понимать самые элементарные вещи. Правда, для этого требуется некоторый искусственный инфантилизм, но это можно. И вот появляются переростки, не понимающие *простых* вещей, люди, для которых эти *простые* вещи становятся мировыми загадками. Но ведь нельзя же сказать: «Я не понимаю, потому что я абсолютный дурак». Поэтому создаются фантастические и утонченные конструкции, призванные заменить нормальный взгляд на мир. И поскольку эти контрукции нелогичны, их легко опровергнуть, то интуиция и духовное зрение извлекаются из-под контроля разума; ссылки на них достаточно чтобы говорить нелепости. Вплетенные же в конституции реальные духовные достижения придают им вполне респектабельный характер, их становится невозможным просто выбросить, нечто истинное в них притягивает и оправдывает всю их фальш. Наконец, для внешней маскировки и внутренней компенсации этой самозащиты вводится своеобразный нравственный экстремизм, нереальный радикализм нравственных целей.

Все это делается бессознательно, человек остается мыслящим и в общем-то, хорошим. Но в корне этого лежит страшная гордыня, нежелание признать ограниченный характер своей добродетели. Нет-нет, в общем это все признают, но сказать: «Да, положение таково, на мне лежит ответственность, и я несу ее не в полную силу», — это тоже, конечно, могут сказать, но при этом разовьют такую философию, чтобы видно было: это не так. И эта подсознатель-

ная стычка между реальностью, которую развитый ум все-таки не может не ощущать, и хитрой самозащитой достигает иногда такой остроты, что человек и вправду иррационально готов ставить себя под удар из-за пустяков. Эта нарочитая неосторожность (в пределе переходящая в самосожжение) есть результат отчаяния во внутренней и даже полностью не сознаваемой борьбе.

На мыслящих людях лежит в обществе, по крайней мере, одна обязанность: поддерживать высоту нравственного сознания. За недостаток действительного рвения в наших условиях невозможно судить; но за фальшь сознания каждый мыслящий человек ответит. Если мыслящий человек нечестен *мыслью*, то что он такое? Соль, переставшую быть соленой, бросают вон, на поправление людям.

Те, кто еще не мертвецы, должны поскорее начинать эту нравственную революцию сознания. Хотя они и будут идти в сфере мысли, она принесет очень реальные плоды. Никто не отдаст, конечно, больше, чем готов, но всякий отдаст туда, куда надо. Потому что *действенных* нравственных сил у нас много и нечего нам страшиться лика своего, отгораживаться химерами. Много в обществе героизма, много ума, много сочувствия и желания помочь. Но пока у нас не появится сознание некоторых простых, элементарных вещей, наши герои будут пятерками выходить на Лобное место, умы и таланты будут растрачиваться на ядовитые обличения и хитроумные конструкции, а люди сочувствующие, готовые помочь — было бы чему! — будут шушукаться по углам и рассказывать анекдоты. Это будет продолжаться до тех пор, пока катастрофа не хватит нас по голове, или пока мы не поймем нашу ситуацию и не примемся за работу.

ИНДЕКС ИМЕН

Авторханов А. А. 8	Григоренко П. Г. 17, 42
Андрюшкявичиене Ю. 29	Гроссман Вас. 8
Андрюшкявичус 31	Гулык Стефания 23
	Гусев Мих. 34-35
Баев Вас. Ив. 12	Гутманас Ю. 29
Бегун И. 20	
Белов Юр. Серг. 16	Даниэль Юлий 32
Бендерский Г. И. 54	Джилас Милован 102
Бернерис В. 29	Дзибалов Вяч. 9
Бернхэм (Бернхем)	Диденко Ф. А. 13
Джеймс 102	Добош Яросл. 23-25
Берман Григ. 11	Дэвис Анжела 42
Блажков Игорь 34	
Богомоллов 32-33	Евдокимов Бор. Дм. 10-11
Бонавия Дэвид 17-18	Евдокимова Галина
Борщевский С. 39	10-11, 13
Брановер Г. 19	
Брежнев Леонид 47, 54	Желудков Серг. свящ. 45
Буковский Вл. Конст.	Житникова (Плющ) Тат.
25, 35, 36, 42	Ильин. 13, 19, 36
Вольпин (Есенин) А. С.	Заличкаускас 31
18, 19, 40	
	Иоцюнас Генрикас 30
Гаврилов Генн. 38	
Гибов А. В. 34-35	Каганова 37
Гиляев 14	Каганович Л. М. 9
Гильдман Кл. 39	Каланта Ромас (Роман)
Годзяцкий 34	28-29, 31
Горшков С. Н. следов. 12	Карлов (судья) 8
Грабовский 34	Карпов А. см. Лакалов

- А. С.
 Карсова Нина 41, 46
 Кассен Рене 40
 Кашежев майор КГБ 14
 Каюшин Л. П. 28
 Ким Юлий 5
 Кислых Г. В. следов. 6
 Козлов Андрей 9
 Кондратьев Вл. 34-35
 Костерина Елена Алексеевна 35-36
 Коцурова Анна 23-24
 Кочетов В. 9
- Лакалов (Карпов) А. С. 32
 Ланда М. Н. 37
 Лахов В. И. 12
 Ленин (Ульянов) Вл. 65, 84
 Леонтович акад. 43
 Лернер Л. 21
 Либов Л. 20
 Лубенец В. И. следов. 13
 Любарский К. А. 8, 9, 42
- Майо Рене 46
 Макагинская В. М. 12
 Марченко Анат. 37
 Медведев Жорес А. 25-28
 Медведев Рой А. 19, 25, 47
 Мейлах Мих. 13
 Меламед Зиновий 38
 Мельник Юр. 8-9
 Миллионщиков Мих. Дм.
- 43-44
 Мусиенко Мар. Сем. 9-10
- Нансен Одд 40
 Нашпиц М. 12
 Николай II импер. 17
 Никсон Ричард 18-22, 40
 Нох Юр. 11
- Огурцов Иг. Вяч. 42
 Окуджава Булат 33-34
 Олицкая Е. Л. 54
 Олицкая Н. М. см. Суровцева
 Орлов Б. 20
 Осипов Вл. Н. 37, 42, 45-46, 47
- Панов В. 21
 Пастернак Бор. Л. 35
 Петр I импер. 84
 Пимен (Извеков) патриарх 40, 45
 Плющ Леонид 13, 36, 39, 42
 Плющ (мать) 13
 Подъяпольский Г. С. 19
 Польский В. 20
 Пономарев Анат. Дм. 15
 Попов Вл. Вас. 17
 Престин В. 21
 Пруссаков В. 20
 Пуртов Ив. 10
 Пуртов Серг. 10
 Пятов Ю. 46

Ракитянский Вл. 11
Реддавей Питер 42
Рендель Л. 46
Решетовская Н. 46
Ронкин Валерий 39
Рузвельт Ф. Д. 87
Рутман Р. 20

Савенкова (Якир) В. И.
5, 6
Сахаров А. Д. 5, 19, 42,
43, 47-53, 63
Светличная Над. 39
Светличный Ив. 23-25, 42
Севрук В. 14
Селезненко Леонид 23-25
Сергеев Серг. 9
Середняк Л. 39
Сильвестров 34
Синявский А. Д. 32
Скуратов А. 46
Слепак А. 20
Слепак В. 20
Слуцкий Лазарь 38-39
Смирнов В. 8
Солженицын А. И.
15, 36, 45, 46
Сталин (Джугашвили)
Иос. 5, 65, 84
Старчик П. П. 12
Стонис 30
Строева (Титова) Ел. 39
Стус Вас. 13
Сур сотр. КГБ 13

Суровцева-Олицкая
Н. М. 54
Твардовский А. Т. 46
Твердохлебов А. Н. 44-45
Телесин Юлиус 42
Тельбух О. 32
Титов Юр. 39-40
Трифонов Вл. И. 14
Трифорова В. И. 14
Троценко (Шухевич)
Валентина 14
Турмерман А. 21
Турчин В. Ф. 47
Файнберг Викт. 17
Фалин 32
Фёгелин 45
Фельдман Александр
38-39
Франко Зиновия 23-24
Хахаев 39
Хайфец адвокат. 8
Ходорович Т. С. 18
Хрущев Никита 84
Цыпин Л. 20
Чалидзе В. Н. 19
Чеботарев акад. 26, 27
Черновол В. 42
Чиннов Анат. Фед. 15
Чиннов Валер. Ф. 16
Чиннова Раиса Ф. 16

Шапиро Г. 12	Шухевич Ирина 14
Шафаревич И. Р. 42	Шухевич Роман 14
Шашенков Евг. Викт. 16	Шухевич Юр. 14
Шевцов И. 8	
Шевченко Тарас Гр. 22-23	Щедровицкий Г. П. 12
Шехтер Шимон 41, 46	Щелоков Н. А. министр 37
Ширма Г. 34	
Сиханович Ю. А. 19	Якир Иона Эм. 5
Шлешнев Влад. 16	Якир (Ким) Ирина П. 5
Шпак Викт. Мих. 14	Якир Петр И. 5, 6, 7, 19, 21-22
Шумук Д. 42	Якунин Глеб свящ. 45
Шуркус И. 29	

ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ САМИЗДАТА

до начала выпуска «Документальной серии» печатались в Специальных выпусках «Посева». В девяти номерах были опубликованы следующие документы:

Первый специальный выпуск (Распродан)

Хроника текущих событий. Выпуски 1 - 6.

Второй специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 7 - 9.

Третий специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 10 и 11. — Дело Ю. В. Мальцева (6 документов об отказе от советского гражданства и желании выехать из СССР).

Четвертый специальный выпуск (Распродан)

Хроника текущих событий. Выпуски 12 и 13. — Сокращенная запись судебного процесса Ильи Бурмистровича. — Письмо жены И. Бурмистровича Ольги Кислиной прокурору г. Москвы.

Пятый специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуск 14. — О процессе Л. Квачевского. — Институт имени Сербского используется для политических репрессий (3 документа). — Дело Г. О. Алтуняна (2 документа). — О некоторых выступлениях бывшего полковника КГБ Льва Василевского. Автор Л. Анти-Тарасов.

Шестой специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 15 и 16. — Добавление к «Хронике». — Документы о преступлении против человечности (6 писем-обращений к Комитету защиты прав человека ООН от крымских татар) — Преступление и наказание. Выпуск 2. (О нравах палачей-чекистов). — Пакт о гражданских и политических правах и советское законодательство. Автор А. С. Вольпин.

Седьмой специальный выпуск

Исход. Выпуски 1 и 2. — Групповые обращения (4 документа). — Ленинградский процесс (4 документа). — Еврейский вопрос в СССР. Тезисы.

Восьмой специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 17 и 18. — Приложение к «Хронике» № 17. — Bravo, товарищ Толстиков! Автор Евг. Смирнов. — Обращение рабочих г. Выжгорода в ЦК КПСС.

Девятый специальный выпуск

Хронике текущих событий. Выпуски 19 и 20. — Репрессированных в 1960-х годах. — Критика Л. Богораза советских законов (2 письма депутатам Верховного совета). — Попытки продолжаются. Обращение И. А. Кандыбы в Комиссию прав человека ООН.

**Заказы на оставшиеся в ограниченном количестве
Специальные выпуски «Посева» принимает из-
дательство «Посев».**

Цена выпуска 5 н. м. плюс пересылка.

Н. Горбаневская

ПОЛДЕНЬ

Книга в 4-х частях:

Красная площадь. — Дело о нарушении общественного порядка. — Шемякин суд. — Судьба Виктора Файнберга

В книге 500 стр. Мягкий переплет
Цена 17.— н. м. В США 5.— дол.

Анатолий Марченко

Мои показания

**Книга о нынешних советских тюрьмах
и лагерях**

Кроме текста записок автора, прошедшего шесть лет в заключении, книга содержит все документы по так называемому «Делу Марченко» (его письма, петиции в его защиту, полная запись процесса И. Б. Белогородской и др.)

Цена 14.— н. м.
В США и Канаде 4.50 ам. дол.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛУ

*Ю. Галанскова,
А. Гинзбурга,
А. Доброволь-
ского
и В. Лашковой*

*Запись процесса, важнейшие документы
и отклики на этот процесс как в Советском
Союзе, так и за границей*

Книга карманного формата, 488 стр.
Художественная обложка работы
А. В. Русака

Цена — 18.80 н. м. В США и Канаде —
6.50 ам. дол.

Е. ОЛИЦКАЯ

МОИ

ВОСПОМИ-

НАНИЯ

Е. Олицкая рассказывает о своей студенческой жизни до революции и о годах, проведенных впоследствии в советских тюрьмах и концлагерях

Книга в двух томах, карманного формата, мягкая художественная обложка, работы
Н. И. Николенко

Цена обоих томов 25.00 н. м.
В США и Канаде — \$ 8.40

СОДЕРЖАНИЕ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ, выпуск 26	3
Арест Петра Якира	5
Политические процессы	8
Обыски, допросы, аресты	11
Предварительное следствие	13
Политзаключенные психиатрических больниц	14
Высылка корреспондента	17
«Книксон»	18
День Шевченко на Украине	22
Пресс-конференция Я. Добоша	23
Новые функции органов	25
События в Литве	28
По материалам газетных статей	32
Внесудебные преследования	33
Краткие сообщения	37
Письма и документы	42
Новости Самиздата	45
«Памятная записка» А. Д. Сахарова	47
Поправки к предыдущим выпускам	54

СЕЯТЕЛЬ, Социал-демократический агитацион- ный листок, № 1	55
Заявление группы «Сеятель»	55
Административный госкапитализм	57
Кризис госкапитализма и научная интеллиген- ция	59
Недостаточность либерализма	61
Научно-демократический социализм	64
Программные положения	67
Организационные принципы партии	68

Стратегия и тактика	70
Задачи листка	72
 СЕЯТЕЛЬ, № 2	 73
Выход в политику. Необходимые объяснения	73
Смертельная угроза и выход в политику	74
Единственный путь	77
Можно ли что-то сделать?	81
Роль личностей и идей в обществе	83
Наличная ситуация	89
Прогрессивная альтернатива	100
Партия прогрессивной и позитивной платформы	105
Перспективы и нравственное сознание	110
 Индекс имен	 118